

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

*Иллюстрации
Владимира Левицкого
(г. Петрозаводск)*

ПОСЛАНИЕ Вселенной

повесть

лезать из-под одеяла. Когда уже встал, сделал несколько шагов, легче удержаться в горизонтальном положении и не нырнуть снова в уютное тепло под одеяло.

Но сегодня даже мысли такой — снова лечь — у Толи не возникло. Утром вчерашние вопросы отошли на второй план, жизнь казалась ровной дорогой, ведущей к счастью.

Игнатъев зашел в ванную и первым делом встал на весы. Подождал несколько секунд, не глядя на экран, чтобы дать весам установиться, и лишь потом несмело взглянул на цифры. Ур-р-ра! Восемьсот граммов как не бывало! Это великолепный результат первого дня дисциплины в питании.

Окончание. Начало в № 11-12 2012 г.

Толю разбудил звонок будильника на мобильном телефоне. Игнатъев предусмотрительно оставлял мобильник на кухонном столе, чтобы волей-неволей приходилось вы-

Игнатьев сам себе улыбнулся в зеркало. То, правда, не показывало значительного похудения. Живот также выпирал, как нос корабля-авианосца, на лице тоже не было заметных изменений. Игнатьев долго вглядывался в отражение, прикидывая, осунулся он хоть чуть-чуть, спали ли хоть капельку щеки. Ему очень хотелось увидеть в отражении результаты, и он их увидел. Решил, что физиономия стала чуть поуже, и обрадовался этому. Стал подсчитывать в уме, сколько дней ему потребуется, чтобы сбросить килограммов двадцать, но осадил себя, понимая, что каждый день терять по восемьсот граммов не получится. Первый день, первые дни — самые легкие, затем вес уходит все медленнее, неохотнее покидает родное тело.

Тем не менее начало — и великолепное, по мнению Игнатьева, начало — было положено. Он бодро занялся утренней гимнастикой, растягивая связки, давая нагрузку слежавшимся за ночь мышцам. Особое внимание уделил наклонам, подозревая, что именно эти упражнения позволят поскорее распрощаться с животом.

На завтрак сварил овсянку и на этот раз обошелся без тушенки. Каша показалась безвкусной, есть ее не хотелось, но, чтобы не проголодаться раньше времени, Толя затолкал в себя все, что было на тарелке. Подумал, что все-таки так истязать себя не надо, и пообещал себе купить вечером новую банку тушенки. Чай вновь пил несладким.

Финским занимался охотно, с радостью. Улыбнулся, подумав, что ничем не отличается от школьника, столь простые словосочетания пришлось осваивать. Валкойнен киса, муста койра... Белая кошка, черная собака... Открыл тетрадку, купленную вчера, и сделал предлагаемые в учебнике упражнения. Все складывалось замечательно.

В таком же приподнятом настроении он пришел на работу и занялся версткой новых полос. В углу копошился Иваныч, подошли Миша и Настя. Толя оборачивался на каждый звук открывающейся двери, ожидая увидеть Ксюшу, но ее не было.

Не вытерпев, примерно через час он встал

из-за стола и отправился прогуляться по другим кабинетам редакции. Уже подтянулись девчонки из рекламного отдела, за своими компьютерами работали два журналиста. Из кабинета редактора доносился голос Саши, разговаривавшего по телефону.

Ксюши не было. Толя дождался, когда Медведев окончит разговор, и заглянул к нему, помахав рукой:

— Привет! А Ксюша когда подойдет?

Саша рассмеялся:

— Что, понравилась? Ксюша у нас такая, может любого очаровать.

— Нет, я просто верстаю сейчас ее материал и хотел посоветоваться, — принялся оправдываться Толя.

— Советуйся со мной! — предложил Саша. — Ксюшка пишет дома, приходит, если нет планерки, ей вообще не обязательно. Заскочит в редакцию, когда будет время, но это может произойти, а может и нет. В общем, работает по своему графику. Так что давай со всеми вопросами обращайся к Мише или ко мне.

Толя погрустнел. Вопросов у него на самом деле не было, ему просто хотелось увидеть понравившуюся девушку.

— Ладно, — сказал он. — Я заверстаю полосу, а потом покажу.

Саша покивал:

— И не тормози, быстрее давай. Тут решили, что выборные газетки на целую армию кандидатов тоже мы будем делать. Там, конечно, все просто, по единому лекалу клепаются, но верстать все равно надо. Разумеется, за отдельную плату. Успеешь?

— Конечно! — Толя стремился зарекомендовать себя на новой работе с лучшей стороны.

Он вернулся к рабочему столу.

Ксюша появилась в редакции незадолго до обеда. Дверь в кабинет верстальщиков была открыта, и Толя услышал ее голос.

— Ну, вы прикиньте! Оказывается, полоски на одежде — это дьявольские происки! Я всю жизнь обожала полоски, а теперь выясняется, что это признак ведьмы! В средневековье меня...

Иваныч, недовольно ворча, поднялся из-за компа и плотно закрыл дверь.

— Орет как оглашенная, работать мешает, — проворчал он себе под нос.

Толя решил выждать некоторое время, хотя ему очень хотелось подняться и пойти к Ксюше. Но едва он собрался это сделать, как девушка вошла сама. В своей обычной манере она начала громко рассказывать о поразивших ее новостях.

— Вечером обнаружила в одном журнале потрясающие вещи!

— Ксюха, марш отсюда! — рявкнул Иваныч. — Не мешай работать.

Толю резанул этот грубый тон, но он не рискнул осадить старшего коллегу. Он подмигнул ничуть не обидевшейся Ксюше, указал на стул рядом со своим столом и предложил:

— Расскажи мне!

Та проигнорировала предложенное место, уселась на угол стола и, сбавив тон, сообщила:

— Представляешь, я прочитала, что любимые мной полоски — это дьявольщина! Меня в средние века сожгли бы на костре!

Толя любовался свежей нежной, порозовевшей кожей Ксюши. Видно было, что она совсем недавно прибежала с улицы.

— Почему?

— Ну, вот смотри. У меня сейчас юбка полосатая, — Ксюша кокетливо оттянула край узкой сине-коричневой юбочки, облежавшей стройные бедра.

— И что?

— Скажи теперь, это коричневая юбка с синими полосами или синяя юбка с коричневыми полосами? — с хитринкой в голосе спросила его Ксюша.

— Не знаю, — честно признался Игнатъев.

— Вот! — торжествующе объявила Ксюша. Постепенно голос ее вновь становился все громче. — И я не знаю! И никто не знает! Поэтому темные люди средневековья считали полосатую одежду таинственной, загадочной. А раз загадка, значит — дьявольщина! Поэтому они полосатое не носили, считали ведьмовскими происками такую одежду и попросту сжигали тех, кто хотел хоть как-то выделиться.

Иваныч, сидя в своем углу, издал рычание, давая понять, что Ксюша вновь превысила допустимые, по его мнению, децибелы.

— Похоже, некоторые серьезные граждане и сейчас отправили бы тебя на костер, — тихо сказал Толя, покосившись в сторону Иваныча.

Ксюша прыснула.

— Пойдешь обедать? — предложил Толя, пользуясь возникшими между ними приятельскими отношениями.

— А куда?

Игнатъев предложил столовую, в которой сам был вчера. Но Ксюша сморщила носик:

— Нет, я в таких местах не обедаю. Пойдем тогда в «Амбассадор».

«Амбассадор» — кафе, открывшееся в городе с полгода назад. Иногда Игнатъев проходил мимо широких окон, краем глаза заглядывал внутрь, восхищаясь строгим интерьером, выполненным в зеленовато-коричневых тонах, но не решался зайти. Ему казалось, что это кафе можно посещать, только имея соответ-

ствующий костюм и кошелек потолще. Но Ксюша так просто предложила это, так легко название соскользнуло с ее губ, что Толя сразу согласился...

Кафе оказалось более демократичным, чем казалось Толе. Стильный интерьер, приглушенный свет, тяжелые темно-зеленые шторы на окнах, белоснежные скатерти произвели на него впечатление. Но вешалки для одежды стояли прямо возле столиков. В обеденное время здесь было довольно много народу, однако Ксюша углядела столик возле окна и прошагала к нему. Толя помог ей снять куртку, помешкал сам, раздумывая, стоит ли выставлять на всеобщее обозрение растянутый свитер, но все же решил рискнуть. В конце концов это только кажется, что все обращают на нас внимание, на самом деле людей совершенно не волнует, как мы выглядим, во что одеты, насколько давно стриглись.

Толя много и часто раздумывал над этим и понимал, что многие его комплексы выросли из-за его полноты. С детства ему казалось, что все смеются над толстым мальчиком, поскольку он сам себя не мог любить и принимать таким, какой он есть. Оттого Толя преувеличенное внимание отдавал тому, как он одет, как причесан, как вообще могут воспринимать его люди. Но живот оставался большим, и Толя, отчаявшись изменить внешность, махнул на себя рукой, перестал заботиться о прическе и одежде, потихоньку втянулся в жизнь человека, которому не обязательно выглядеть хорошо, раз уж все равно симпатий он вызвать не может. Но теперь, когда его жизнь менялась, с этими изменениями стали возвращаться и комплексы. Еще с утра, одеваясь, он подумал, что пора обновить гардероб, слишком уж изношенной была его одежда. Но покупку новых вещей Игнатъев решил отложить до того времени, как похудеет, чтобы не пришлось потом носить брюки на два-три размера больше, не пришлось бы тонуть в широких рубашках.

— Как я люблю обедать, м-м-м, как я люблю обедать, — приговаривала Ксюша, заказавшая салат «Цезарь», солянку и чай с корицей.

Толя выбрал спагетти болоньезе и минералку.
— А завтракать? — спросил он. — А ужинать?

— А зачем ужинать? — удивилась Ксюша.

Толя обрадовался тому, что он стоит на правильном пути. Если даже худенькая Ксюша воздерживалась от ужинов, то ему это и подавно было необходимо.

Официантка приняла заказ и удалилась, Толя мучительно искал тему для разговора. Наконец он решил продолжить тему, начатую в редакции.

— Вообще-то, полоски на одежде толстят, — глубокомысленно изрек он истину, не раз слышанную от мамы.

— Ты находишь? — иронично спросила Ксюша, выпрямляясь и втягивая живот.

Игнатъев подумал, что сморозил глупость. Конечно, полоски на одежде толстяка подчеркивают наличие лишнего веса, но стройную девушку полоски не испортят. Толя замолчал, опять раздумывая, каким бы разговором развлечь спутницу, но оказалось, что этого не требуется. Ксюша заговорила сама: о работе и заданиях, о встречах со звездами и подругах, об игре в пейнтбол и своей поездке на Кипр...

— Ты бывал на Кипре?

Толе пришлось признать, что вообще за рубежом он не бывал. На это не было денег. Родительские сбережения шли на оплату его учебы, а потом, начав работать сам, Толя хотел было куда-нибудь отправиться, особенно когда слушал рассказы коллег и знакомых об отдыхе, пальмах, песчаных пляжах, бассейнах с прозрачной голубой водой. Особенно острое желание отправиться на отдых возникало, когда он верстал рекламу туристических компаний и пролистывал их рекламные проспекты и буклеты. Он даже оформил заграничный паспорт, почти собравшись в Египет. Но серые будни затянули, желание остыло, и Толя так и не собрался куда-либо отправиться.

— Что ты! — воскликнула Ксюша. — Нам, северянам, обязательно нужно получать солнце в максимально возможных дозах. Дважды в год, не меньше! Сейчас это легко — бронируешь отель, заказываешь билеты за полгода до поездки, когда они дешево стоят, и — вперед! Я вот машину собираюсь в кредит взять, буду ездить за рубеж сама. Представляешь, Италия, Франция, Испания — все перед тобой!

Толе казалось, когда они шли обедать, что этот совместный поход даст возможность ему сказать что-либо о своих чувствах. А может, надеялся Толя, Ксюша и сама поймет, что он к ней равнодушен. Но девушка говорила без умолку на нейтральные темы, общалась с ним как с хорошим приятелем, и это смущало Толю.

Он так и не нашел ни времени, ни слов, чтобы направить разговор в нужное русло, и потом, когда они вернулись в редакцию, корил себя за это. Но в то же время подсознательно он искал оправдание своей нерешительности и нашел его. Он пришел к выводу, что Ксюша слишком яркая девушка, слишком свободная, независимая. Она разбирается в моде, не боится привлекать к себе внимание, путешествует по миру, имеет деньги, чтобы купить машину... А он, тюфяк, даже в Египет ни разу не слетал, ходит в заношенном свитере и не имеет компьютера... Понятно же, что ему нечем заинтересовать такую девушку.

Он возвращался к этим мыслям в течение всего дня. И ему то казалось, что он преувеличивает существующий разрыв и слишком низко ценит себя, то казалось, что между ними лежит непроходимая пропасть... Засыпал он все же с надеждой на то, что жизнь будет меняться к лучшему. В конце концов еще два дня назад он сидел в кафе один и, только выпив для храбрости, осмелился привлечь к себе внимание девушки. Толя поморщился, вспомнив, чем это обернулось. А сегодня он был в кафе с чудесной девчонкой, которая явно расположена к нему. Пусть она вела себя с ним как с товарищем, но и это уже огромный шаг вперед, прорыв, которому следует радоваться! Может быть, дальнейшие дни принесут еще большие удачи.

Но следующий день принес огорчения. Толя напрасно прислушивался к каждому звуку из кабинета журналистов, Ксюши не было. В конце концов он спросил о ней у Медведкова, и тот сообщил, что Ксюша уехала на трехдневный семинар в Питер обучаться методам журналистского расследования.

Жизнь сразу показалась Игнатьеву тусклой.

Ему не хватало этой яркой девушки, не хватало ее смешных проблем с тестами и полосатой одеждой. Но он не оставил своих стараний. В четверг вообще целый день не ел, пил только кипяченую воду, и утром в пятницу был вознагражден за свое терпение, обнаружив, что потерял за этот день целый килограмм.

Работы стало много, вся редакция трудилась над выборными газетами, листовками, буклетами. Хозяин газеты, имевший также пару заводов, развитую сеть магазинов, намеревался провести во власть большую команду. Толя не вдавался в подробности политической борьбы, делал то, что ему поручалось, и, обладая природным вкусом, предложил даже некоторые удачные варианты размещения материалов и фотографий в полосах всей этой печатной продукции. Миша предложения одобрил, Медведков на всю редакцию перевозносил светлый разум своего однокурсника, не забывая отметить, что именно он отыскал «этого ценного кадра в недрах мелкой рекламной газетенки, где тот губил свой талант». Толе было приятно слышать похвалы, хотя он старался не показывать вида, что эти лестные слова хоть как-то затрагивают его. Он лишь еще больше и быстрее работал и думал, что было бы лучше, если бы все эти громогласные восхваления происходили в присутствии Ксюши. Но та должна была появиться не раньше понедельника, и это наполняло душу Игнатьева томлением и грустью. От грустных мыслей отвлекали часто заходившие в кабинет люди: журналисты, кандидаты, желавшие посмотреть, достаточно ли убедительно они будут выглядеть на листовках. То и дело прибежал Медведков, курировавший все проекты.

Работы было много у всех. Иваныч сидел в своем углу не разгибаясь. Миша и Настя постоянно совещались, шушукались, попеременно подходя к рабочим местам друг друга. В четверг, видя, что Толя не покидает своего стула, Настя позвала его пить чай, но Игнатьев, нацедив себе в кружку несладкого слабенького чая, не присоединился к парочке, оставшись за своим компьютером.

В пятницу он строил планы на выходные дни, раздумывал, когда лучше навестить роди-

телей, чтобы не оказаться закормленным мамой в неподходящее время.

В конце рабочего дня зазвонил мобильник. Игнатьев, посмотрев на экран, увидел, что звонит Люба. Надо же, он совсем забыл о том, что они собирались созвониться.

— Толя, привет! — раздался голос в трубке. — Не отвлекаю? У тебя, наверное, много работы, вот, решила узнать, как идут дела.

Толя несколько секунд не знал, как относиться к этому звонку. Но решение пришло само. Конечно, прежде их отношения были не больше чем просто вынужденное общение коллег. Но раз девушка звонит, значит, он вызывает в ней какие-то чувства. Зачем отталкивать то, что само идет в руки? Тем более Ксюши все равно нет, да и не факт, что он мог бы встретиться с симпатичной журналисткой на этих выходных. Может, у нее дела. Может, он ей и не нужен вовсе. А учиться общаться с девушками все равно надо...

— Привет, Люба! Как хорошо, что ты позвонила! — Игнатьев постарался придать голосу радостные нотки. — Знаешь, я все сам собирался позвонить, но постоянно идут новые вводные... Не хочешь встретиться? Я бы тебе и рассказал о своих делах, а ты бы мне — о своих.

Возникшую паузу Толя объяснил себе тем, что Люба не была готова к такому предложению. Она обрадовалась? Или, напротив, пытается скрыть досаду?

— Конечно, — наконец сказала она. — Это очень интересно. Давай встретимся, а когда?

— Завтра вечером?

— Знаешь, — извиняющимся тоном сказала Люба. — Вечером я не могу, я обещала подруге быть у нее. Может быть, днем погуляем?

Они договорились о встрече на Театральной площади.

Вечером непредсказуемая погода северного озерного края дала себя знать. Еще недавно было морозно, утром солнце стало припекать, а сейчас начался снегопад. Зима, словно опомнившись, что выдала мало снега, начала сыпать его, выдавать на гора, как предприятия гнали план в конце квартала при прежней экономической системе. С неба падали крупные мокрые хлопья, покрывая грязные тротуары,

на которых днем успел подтаять утоптаный за зиму снег. Днем снег таял, обнажая залежи песка, щедро рассыпанного за зимние месяцы дворниками. Теперь эту грязь природа вновь скрывала, как чистая белая скатерть скрывает потертую старую столешницу.

Но чистота была обманной, стоило ступить на белизну, как новый снег расплзался и, будто из прорех, наружу вылезала все та же смесь песка и городской пыли. После работы Толя поспешил домой, убив вечер за просмотром пустого отечественного детектива.

Ему хотелось есть, пакет бифидока не утолил голод. Объясняя для себя возникшее желание, он понял, что еда всегда помогала ему справляться со стрессами. Сегодня он проявил несвойственное ему поведение, сам назначил девушке свидание, совершил поступок, который мог оказать влияние если не на жизнь, то, по крайней мере, на некоторый ее период. Этот поступок вызвал психологический стресс, и Толе хотелось справиться с ним, посидев за добрым ужином, возвращавшим уверенность в себе, оказывающим умиротворяющее действие. Но Игнатьев сказал сам себе, что на самом деле есть хочет не он, а то нерешительное существо, которое давно сжилось с его телом и мягко, незаметно диктовало свою волю. Он же — человек, владеющий собой, умеющий добиваться поставленных целей, ничего общего с тем существом больше не имеет. Игнатьеву показалось, что он сделал открытие, заслуживающее, как минимум, нобелевской премии по психологии.

Получить поддержку Игнатьев собрался от Учителя и, когда снова оказался лицом к лицу с посланцем Вселенной, услышал от того одобрение.

— И все-таки, Учитель, мне бывает трудно удерживаться. Может, есть какой-то метод?

— Метод есть, — согласился Учитель. — Во-первых, ты правильно сделал, что проанализировал свое желание. Ты получил ответ на свой вопрос, обнаружил, откуда возникла страсть к еде. Возможно, то, что ты определил, не единственный источник, питающий страсть, но в будущем ты обнаружишь и другие. В любом случае, когда ты осознал пробле-

му, ты открыт для восприятия путей ее решения. Во-вторых, я подсажу тебе метод. Полюби чувство голода, не борись с ним.

— Как это? — удивился Толя.

— Понимаешь, трудно удерживаться от еды тогда, когда ты считаешь, что лишил себя чего-то важного, хорошего, привычного. Твой организм, привыкший это получать, протестует, просит дать то, чем всегда утешался. Ты чувствуешь недостаток, нехватку еды. Но у тебя есть разум. И разум подсказывает тебе, что все необходимое у тебя уже есть. То есть лишняя еда тебе не нужна. Борьба с чувством лишения трудно, поэтому я и говорю, что не надо с ним бороться. Надо просто перестать считать себя лишенным. Если необходимую пищу организм уже получил, то больше ему не надо. Напротив, подари ему чувство легкости, которое дает голод. Ты ведь ощущал легкость?

— Да, — согласился Толя, вспомнив, что даже спустя всего несколько дней после начала диеты, прописанной Учителем, он уже чувствовал себя гораздо лучше. Иногда он ловил себя на желании пробежаться, взлететь. А недавно даже катался с горки с ребятней.

— Так оцени эту легкость, прими ее как дар, который надо беречь. И кроме того, попробуй прислушаться к ощущениям, которые ты испытываешь, отказываясь от еды. Полюби эти ощущения, отметь все то, что тебе нравится в голодании. Когда ты сумеешь это сделать, голодание превратится для тебя в желанный эксперимент, ты с нетерпением будешь ждать дней, в которые решил воздерживаться от пищи. Может быть, это произойдет не сразу, не в одну секунду и не в один день, но, если будешь стремиться, все получится.

Толя про себя усмехнулся. Это же нелепость. Как можно получать удовольствие, лишая себя чего-то?

— Попробуй, — предложил Учитель, как обычно, откликаясь на мысли. — Ты не лишаешь себя чего-то важного, ты приобретаешь нечто гораздо более важное.

— Хорошо, я попробую, — согласился Толя. — И еще есть вопрос. Я назначил свидание Любе.

— Знаю, — кивнул Учитель.

— И что мне делать? — спросил Толя и понял,

что его собеседник сейчас, как обычно, спросит, чего он хочет.

Учитель, улыбаясь, покивал головой. Его узкие глаза от широкой улыбки, растянувшей лицо, сделались еще уже. Игнатьеву показалось, что он видит искорки смеха в узких щелочках, прикрытых веками.

— Я не уверен в том, чего хочу, — попытался объяснить Толя. — Наверное, хочу, чтобы у меня была девушка. Но я не думал, что этой девушкой может быть Люба...

— А ты не рано думаешь об этом? — спросил Учитель. — Даже встреча еще не состоялась, а ты уже записываешь ее в свои девушки.

— Лучше бы это была Ксюша, — вздохнул Игнатьев.

— Ты так считаешь? — иронично задал вопрос посланец Вселенной. — Ты едва знаком что с одной, что с другой, и думаешь, будто знаешь, какая именно девушка для тебя лучше? Ты хочешь встретиться с Любой?

— Да, но я думал...

— Хочешь — встречайся. Не хочешь — отмени встречу. Определись в своих желаниях.

Толя пришел на встречу чуть раньше назначенного времени. В цветочном киоске купил тюльпан, предполагая, что цветы нравятся Любой девушке. И не ошибся.

— Какая прелесть! — воскликнула Люба, принимая нежный цветочек. — Я очень люблю тюльпаны, они выглядят такими красивыми и беззащитными, хочется сразу их укрыть, укутать, спасти от ветра...

Она внимательнее посмотрела на Игнатьева и обеспокоилась:

— Как ты похудел! Осунулся весь! Что, работы так много, что и перекусить времени нет?

Игнатьев довольно улыбнулся. Эти слова его обрадовали. Вот, значит, дают видимые результаты его усилия!

Невольно Игнатьев сравнивал Любу с Ксюшей. Простенькая серая курточка, грубоватые сапоги, какие обычно носят тетушки, минимум косметики на простом лице, толстенькие рыхловатые щечки... Люба явно уступала яркой Ксюше, умевшей себя подать, желавшей и

умевшей нравиться. Но Ксюша была где-то далеко, а Люба — вот она, рядом.

К полудню зима снова убралась, и весеннее солнце принялось вновь отвоевывать позиции. Игнатъев и Люба месили на улицах кашу-размазю из снега и грязи. Идти, когда ноги постоянно вязнут, обходить лужи, рискуя поскользнуться на льду и грохнуться, подняв фонтан брызг, было не очень приятно. Толя взял девушку за руку, помогая ей обойти лужу, вольготно расплзшуюся по всей ширине тротуара, а после не отпустил ее ладонь, легко сжав пальцами. Идти, держась за руку, ему нравилось. Возвращалось давно забытое чувство, какое он испытывал в детстве, когда мамина ладонь сжимала его маленькую ладошку. Возникла приятная близость, словно бы убавлявшая вдвое все заботы.

Вскоре Игнатъев увидел, что носки Любиных светло-коричневых сапог потемнели, как и носки его туфель, выглядевших лучше только благодаря черному цвету, на котором отсыревшие участки не были так заметны.

Они завернули в кафе, в то самое, где совсем недавно Игнатъев пил коньяк, надеясь завязать отношения с привлекшей его внимание девушкой.

Та же официантка в белом фартучке принесла им по чашке кофе, бросив взгляд на спутницу Игнатъева. Толе показалось, что в этом взгляде проскользнуло превосходство. Стройная девушка могла его испытывать, увидев выпирающую из-под короткого свитерка Любы складку бледного животика. Игнатъев тоже отметил про себя эту складку, но решил, что она даже симпатична. Ему захотелось прижать ладонь к животу Любы, почувствовать мягкое женственное тело каждым миллиметром ладони...

Люба рассказывала о работе, где после ухода Игнатъева не произошло никаких изменений, расспрашивала о том, чем занимается он, о газете и редакции, о проектах и коллегах. Игнатъев охотно говорил, обходя молчанием только Ксюшу. Лишь упомянул, что есть такая девушка.

Все время он задавал себе мысленно вопрос, что же дальше? Пригласить ли ему Любу домой

или ограничиться прогулкой? Сказать ли, что скучал по ней, или не лгать? Ему хотелось продолжить общение, но он не знал, как это сделать. И после кафе позвал ее в кино, в недавно открывшийся в городе кинотеатр с несколькими залами. Люба посмотрела на часы, помялась, но согласилась.

Происходящее на экране не очень занимало Игнатъева. Похоже, Любе тоже было неинтересно, поэтому она то и дело старалась разглядеть циферблат. Наконец Толя, долго борющийся с желанием, положил свою ладонь на ее круглую коленку, обтянутую плотными колготками. Он почувствовал, что Люба напряглась, замерла, и, чтобы сгладить неловкость, наклонился к ее уху, делая вид, что так, положив ладонь на ее ногу, ему просто удобнее говорить:

— Тебе нравится этот персонаж?

Речь шла о мускулистом герое, крошившем всех, кто рисковал встать ему поперек дороги.

— Не очень, — ответила Люба. — Какой-то слишком плакатный, ненастоящий. Он подчеркнуто не нуждается в тепле и заботе, дикий какой-то.

Толе эти слова понравились. Если Любе не нравится настоящий мачо, то, наверное, у Игнатъева есть шансы. Может быть, в словах Любы даже был намек, поощряющий его. И он не убрал ладонь с ее колени, а, наоборот, стал поглаживать полную ножку. Люба остановила его, положив свою ладонь поверх его. Она не отвергла эти поползновения, не отодвинула ногу, но и свободу действий ограничила. Толя не стал настаивать.

Когда они вышли из кинотеатра, Люба не дала Игнатъеву возможности пригласить ее к себе.

— Толенька, прости, мне пора бежать! — она чмокнула его в щеку, но, когда он попытался несмело ее приобнять, отстранилась. — Правда, пора. Давай созвонимся позже. Спасибо тебе за прекрасный день.

— Давай я хоть провожу тебя, — предложил Толя, но Люба отказалась и побежала, торопясь и оскальзываясь. На ходу она обернулась, махнула ему рукой на прощание и исчезла, скрытая нахлынувшей толпой новых зрителей, спешивших в кинотеатр.

Вечером Игнатьев пытался проанализировать свои ощущения, мучительно думал о том, стоит ли продолжать отношения с Любой или же пытаться теснее подружиться с Ксюшей. Но еще больше его занимал вопрос о том, как они относятся к нему. Похоже, Ксюша не рассматривала его как потенциального бойфренда, во всяком случае ничто в ее поведении об этом не говорило. Хотя, с другой стороны, составила же она ему компанию, когда он позвал ее обедать. Может быть, позже, при хорошем развитии событий, ему удастся понравиться ей, заинтересовать ее.

С другой стороны, не было уверенности и в том, что Люба испытывает явную симпатию. Она же не говорила об этом. Да, позвонила сама, но не исключено, что это было просто такое проявление вежливости. Не отняла руку, но, может, она просто не хотела обидеть. Иначе сама взяла бы за руку. Или не взяла бы? Постеснялась бы, подумала, будто это будет истолковано как попытка навязаться... И колленку не дала погладить, остановила руку. Хотя ведь и не отодвинулась же... И поцеловала на прощание... Но сразу убежала. Может, она не хочет, чтобы встречи продолжались? Может, она убежала, потому что ей не понравилось все, что было? Боже мой, как это все сложно... А Люба все-таки тоже симпатичная, у нее лицо такое... притягательное, приветливое. Но Ксюша — просто модель! Лучше бы она была сегодня на месте Любы...

Ночью Игнатьеву попеременно снились обе. Ксюша, увиденная во сне, посмеивалась над ним, Люба смотрела ласково, как мама.

Редакционную суету Толя воспринимал так, будто в ушах у него были ватные пробки. Но когда появилась Ксюша, эти пробки вмиг растаяли, жизнь заиграла красками, едва девушка по обыкновению не вошла, а ворвалась к верстальщикам.

— Привет! — сказал ей обрадованный Игнатьев. — Как ты съездила на семинар?

— Да ну! Фигня! — отмахнулась Ксюша. — Скучный швед рассказывал, как они там расследования проводят... У нас любой начинающий журналист круче работает. Я бы и не поехала, если бы вторая часть не проходила в Швеции.

— Ух ты! — удивился Игнатьев. — Ты в Швецию поедешь? Когда?

— Через три месяца. Да ладно, это не важно. Важно то, что Виталик сегодня на выезде, снимает очередных кандидатов в районе.

Виталик, которого упомянула Ксюша, был фотокорреспондентом, маститым профессионалом, чьи снимки украшали полосы «Вестника». Ксюша, не успев приехать, нашла любопытную тему, горячо поддержанную Медведковым. В городе открывался новый магазин нижнего белья. Начитавшись сообщений о зарубежном опыте, владельцы решили сделать из открытия настоящее шоу. Мало того, что победители последнего городского конкурса «Мисс» и «Мистер» будут ходить по залу в день открытия, было решено привлечь внимание потенциальных клиентов неожиданной акцией. Клиенты, которые рискнут раздеться во время акции, получают сертификаты на приобретение товаров в этом магазине на весьма симпатичную сумму.

Разумеется, газета, боровшаяся за читателя, мимо таких тем не проходила. Для начала в переговоры с владельцами магазина вступили дамы из рекламного отдела. Но коммерсанты решили, что платить за освещение своей акции в прессе не будут. Скорее, считали они, лучшую службу сыграет сарафанное радио.

Медведков заявил, что в таком случае газета все равно обязана осветить новое для города начинание, но в репортаже об открытии магазина не должно упоминаться его название. Против присутствия журналистов на акции предприниматели ничего не имели.

Однако такой репортаж проиграет, если не будет сопровождаться снимками. Конечно, любительские фотоаппараты были у всех журналистов, но профессионал снял бы лучше. В редакции была и полупрофессиональная камера, державшаяся на всякий пожарный случай.

— В общем, мне и снимать, и писать, — вздохнула Ксюша.

— Я мог бы снять, — вызвался Игнатьев. — Я много снимал, когда в университете учился, даже конкурсы в Интернете выигрывал и однажды занял второе место на городском кон-

курсе. Только потом камера накрылась, а новую не купил...

Поскольку с версткой на сегодня было покончено, на задание решили идти вместе. Игнатъев вооружился камерой, которую торжественно вручил ему Медведков, не преминувший вновь отметить ценность нового сотрудника, который, как оказалось, и фотокорреспондента при надобности сумеет заменить.

...Магазин располагался на одной из тихих центральных улиц. Его хозяева выкупили две квартиры на первом этаже, оборудовали отдельный вход. Сам дом был покрыт облупившейся бледно-розовой краской, но тот участок стены, за которым располагался магазин, был недавно выкрашен. Проемы между окнами украшали баннеры с соблазнительными девушками в нижнем белье.

Обстановка внутри была помпезной. Позолоченные колонны, будто бы лепной потолок... Хозяева позиционировали свое заведение как элитарное, что давало возможность устанавливать высокую цену на товар. Далеко не всегда клиенты платят за качество, в котором не многие и разбираются. Часто достаточно создать имидж дорогого и модного заведения, чтобы народ рекой потек расставаться с заработанным. В конце концов никакого обмана здесь нет. Покупателю дают возможность повысить свою самооценку. Разве человек не уважает себя больше, когда может позволить себе дорогую покупку? Разве не получает удовольствия, небрежно роняя в разговоре название модного магазина, в котором на днях отоварился?

Бюстгалтеры, трусики, ночные сорочки поразили Игнатъева разнообразием форм, тканей, расцветок. Такого изобилия нижней одежды он прежде не видел. Хотя не видел только из-за того, что никогда не заходил в подобные магазины, нечего ему было в них делать.

Толя и сейчас почувствовал себя неловко в окружении этих кружевных, невесомых ярких тряпочек, будто его застали за подсматриванием чего-то чужого, интимного... Он с радостью углядел полочку с мужскими плавками и принялся разглядывать их.

По центру зала была проложена ковровая дорожка, призванная обозначать подиум. На открытие магазина собралась приличная разновозрастная толпа. Познакомиться с ассортиментом пришли в основном женщины, поскольку на них и был рассчитан магазин. Женщин было много — от шушукающихся и смеющихся девчонок до солидных матрон, еще носивших шубы, несмотря на начавшуюся весну. Некоторых сопровождали мужчины, и редко кто из них вел себя не так, как Игнатъев. Основная часть представителей мужского пола так же стыдливо отводила глаза от великолепия, размещенного на стендах, прилавках, украшавшего манекены. Исключение составляли пара парней, возможно студентов, которые пришли вместе с большой группой девчонок, и один подвыпивший гражданин среднего возраста, за которого держалась дамочка в синей дутой куртке. Дамочка, как и ее спутник, была слегка навеселе. Когда Игнатъев проходил мимо, она, выдохнув в этот момент, обдала его коньячным запахом.

Ксюша работала по собственной программе, легко вступая в беседу с персоналом магазина и с клиентами, пришедшими на открытие, рассматривала предложенные модели. Вскоре она скрылась за служебной дверью, где ожидали времени своего выхода городские красавцы и красавицы.

Когда под легкий инструментал они по одному стали выходить на ковровую дорожку, Игнатъев принялся делать кадр за кадром. Он старался запечатлеть в выгодном свете точеные фигурки девушек, тихо восхищаясь ими и стыдясь этого своего чувства. Игнатъев слегка расстроился, когда за девушками показались юноши. Ему показалось, что конкурировать с этими широкоплечими парнями с узкими бедрами он не сможет никогда, сколько бы ни старался худеть.

Зрители стали потихоньку оттеснять Игнатъева, и ему становилось все труднее снимать так, чтобы в кадре не оказалась чья-то рука или затылок. Это заметила Ксюша, стоявшая у края дорожки. Она громко сказала:

— Господа, пропустите фотографа! Не закрывайте обзор, не мешайте работать!

Толя, не привыкший быть в центре внимания, покраснел, но протиснулся вперед и встал рядом с Ксюшей.

— Уважаемые гости! — объявил распорядитель, лохотенный мужчина лет сорока. — Мы рады сообщить вам, что замечательный магазин, на открытии которого мы с вами сегодня присутствуем, решил вручить великолепные подарки нашим гостям, тем, которые окажутся самими смелыми!

По толпе прошел шепоток. Информация о готовящейся акции распространялась через социальные сети, а потому большинство присутствующих знало о готовящемся сюрпризе.

— Что может быть красивее человеческого тела?! — риторически вопрошал распорядитель. — Только тело, украшенное изумительным бельем от нашего магазина. А потому мы предлагаем всем желающим продемонстрировать нам свое тело, так сказать, без украшения и с украшением, которым станут вот эти комплекты!

Распорядитель указал на выложенные на прилавке комплекты белья.

— Итак, кто самый смелый? Кому достанется самый красивый комплект и сертификат от нашего магазина?

Игнатьев услышал за спиной громкий шепот и почувствовал, как вновь его обдало коньячным облаком.

— А чё, давай, Нинка! Слабо, что ли?

Нинка слабо сопротивлялась, хотя Игнатьеву показалось по ее тону, что это было только кокетство. Наконец подвыпивший зритель, подвинув Толю, шагнул вперед, ведя за руку свою спутницу.

На их место за Игнатьевым переместились двое мужчин, тихо переговаривавшихся по-фински. Толя пытался уловить знакомые слова, но ему это не удавалось.

Грянула развеселая музыка, в зале приглушили верхний свет, зато включились скрытые до того цветные светильники, и нетрезвая парочка принялась раздеваться. Женщина, похоже, стеснялась, а ее спутник пытался изобразить стриптиз, вытанцовывая на ковровой дорожке. Его движения, по мнению Игнатьева, были пошлыми, но распорядитель подбадривал добровольцев.

— Господа, давайте поддержим аплодисмен-

тами нашу самую смелую пару! Кто еще готов продемонстрировать достоинства великолепного белья? — взывал он.

— Статья двадцать точка один, часть первая, — шепнула Ксюша, приблизив свои губы к уху Игнатьева. У Толи замерло сердце от ее прикосновения. — Мелкое хулиганство. Штраф до тысячи рублей или арест до пятнадцати суток.

— Да ты что? — удивился Игнатьев. — Их посадят?

Ксюша пожала плечами:

— Ну, если кто-нибудь пожалуется... Раз никто не возмущается и не требует это прекратить, то и наказывать не за что.

Игнатьев пытался сфотографировать происходящее, но распорядитель предусмотрительно переместился, закрыв широкой спиной обзор. Обернувшись к Толе, он сказал:

— Не нужно снимать.

Женщина, оставшаяся все-таки в трусиках, пряталась за мужчиной, без стеснения выставившим на всеобщее обозрение все, чем мог похвастаться. Толя подумал, что ему самому никогда не достичь такой степени раскрепощения, чтобы раздеться на глазах у множества людей. И надо же, мужик нисколько не стеснялся своего пивного живота, трясущегося, когда он дрыгался в каком-то нелепом танце.

Но увидев, что раздеваться догола необязательно, две девчонки выскочили на дорожку и быстро скинули с себя одежду. Большинство зрителей встретило их хлопками, подвыпивший мужчина попытался было приобнять девушек, но в спину его сильно толкнула спутница:

— Ты ничего не перепутал?

Мужчина тут же переключился на свою даму сердца.

— По-моему, это пошло, — шепнул Игнатьев Ксюше.

— Зато прикольно! — улыбнулась она. — Будет о чем написать.

Толя услышал, как за его спиной финн произнес:

— Хёлмёйя веняляйся!

Первого слова Игнатьев не понял, но по интонации предположил, что он несет в себе негативный смысл — чокнутые, дурные, сумасшедшие русские.

Обернувшись, Толя поправил финна:
— Илойсиа веняляйсия!

Вид нетрезвого мужика и у него вызывал отвращение, смешанное с завистью к свободной беззастенчивости того, но он решил вступить за честь нации.

Финн, улыбнувшись, пожал плечами.

— Ты знаешь финский? Здорово! Возьмем интервью у зарубежных гостей! — загорелась Ксюша.

Игнатьеву был приятен интерес девушки, ему не хотелось признаваться в том, что язык он только-только начал изучать, и как выпутаться из положения, он не знал. Благо, оказалось, что финны вполне прилично говорили по-русски.

— Да, да! Веселые русские! — согласился второй финн.

В это время участники акции уже примеряли на себя предложенные им трусики и бюстгалтеры. Мужчина, явно придуриваясь, взялся сначала за женское белье, но распорядитель мягко забрал у него комплект, предложив

мужские плавки. Тот безропотно согласился на замену, но, только распорядитель отвернулся, выхватил у своей подруги атласный малиновый бюстгалтер и примерил на себя. Та, прикрывая грудь одной рукой, второй пыталась отобрать нужную деталь одежды...

Ксюша наблюдала за происходящим, обмениваясь впечатлениями с финнами. Игнатьев, пользуясь тем, что распорядитель не мешает ему, снимал.

Наконец распорядитель понял, что стриптиз на ковровой дорожке пора завершать, поскольку подвыпивший стриптизер-любитель разошелся, стал изображать из себя героя порнофильма. Распорядитель начал бурно благодарить всех участников, предлагая им одеться перед вручением сертификатов. Девчонки, подошедшие к действию по-деловому, оделись быстро и, рассылая воздушные поцелуи, ожидали подарков. Нетрезвая парочка тянула время.

Ксюша, увидев, что акция завершается, оставила финнов и подбежала к парочке:

— Одну минутку! Несколько снимков для газеты «Вестник»! Страна должна знать своих героев.

Мужчина был польщен вниманием и стал принимать позы бодибилдера, напрягать мускулы, втягивать живот. Его подруга придала лицу романтическое выражение.

— Как вы решились на такое? — спросила Ксюша.

— А чё! — лихо ответил мужик.

Его подруга захихикала.

Когда все завершилось, покупатели разбрелись по залу. Ксюша остановилась возле манекена, фигурой напоминавшего ее. На манекене было весьма сексуальное белье с кружевами.

Игнатьев, прежде, пожалуй, не решившийся бы на такое предложение, но несколько возбужденный действием, шепнул ей:

— Давай я тебе это куплю!

— Нет, спасибо, — рассмеялась Ксюша. — Это слишком интимный подарок. Я ценю твои дружеские чувства, но пока не готова принимать такие дары.

Когда они вышли из магазина, Ксюша пересказала свой разговор с финнами. Те поразились русской обезбашенности, ярким примером которой, по их мнению, и была акция в магазине. По их словам, цивилизованная Европа никогда бы себе такого не позволила. Хозяева магазина, в свою очередь, утверждали, что переняли европейский опыт.

Репортаж со снимками Игнатьева получился ярким, легким и смешным. Ксюше в редакцию позвонили из правоохранительных органов и предложили побеседовать, но журналистка от встречи отказалась. Откровенных снимков в газете не было, жалоб в органы никто не писал, поэтому все в итоге прошло спокойно.

Материал вышел не только в газете, но и на заработавшем благодаря усилиям Миши новом интернет-сайте, и его даже цитировали какое-то время в Интернете, так что цель организаторов была достигнута.

Неделя прошла спокойно. Отношения Игнатьева ни с Любой, ни с Ксюшей особо не продвинулись. Ксюша забегала в редакцию ежедневно, но ненадолго. Игнатьеву только раз удалось пригласить ее на чашку кофе посреди рабочего дня, но и эта встреча была быстрой и скомканной. Ксюша без умолку трещала о каком-то настойчивом медике, который, невзирая на отсутствие государственной помощи, создает какой-то банк то ли крови, то ли стволовых клеток... Игнатьев не очень понял, о чем шла речь, поскольку больше вслушивался не в слова, а в само звучание Ксюшиного голоса. Толе нравился тот задор, интерес, с которым Ксюша говорила о героях ее материалов. Видно было, что она искренне увлекается любой темой, старается понять, что движет людьми, когда они совершают неординарные поступки. Это наводило Игнатьева на грустные размышления. Если девушка постоянно общается с нестандартными интересными людьми, яркими личностями, то чем ее может привлечь обычный верстальщик, не снискавший ни славы, ни денег? Он не находил ответа на этот вопрос.

Игнатьев дважды звонил Любе, пытаясь пригласить на свидание, но та хоть и заверяла,

что очень хочет встретиться, но на свидание не торопилась, отговариваясь занятыми работами вечерами. Игнатьев не очень верил в эту работу, подумывал, нет ли у Любы другого парня. Но тогда не мог объяснить себе, почему она все же встречалась с ним однажды и почему говорила, что хочет встретиться еще. В итоге они договорились увидеться в воскресенье.

Вечерами Толя рассматривал себя в зеркало в ванной, стараясь определить, насколько заметно он сбросил вес. Зеркало отражало гладкое розовое брюшко. Толя втягивал живот, поворачивался боком, рассматривая себя и справа, и слева. Иногда ему казалось, что изменения очень заметны, иногда, что их вообще нет. Он успокаивал себя тем, что видит свое тело каждый день и потому, если изменения и происходят, то их трудно уловить. Это как взросление: видишь одноклассника спустя пару лет после школы, осознаешь, как он изменился. Изменился и ты сам, но поскольку эти изменения происходили очень медленно и ежедневно, то в себе их и не замечаешь.

По утрам он становился на весы, которые неизменно демонстрировали Толины успехи. Вес стремительно падал. К концу второй недели Игнатьев потерял восемь килограммов и был счастлив этим.

По утрам он продолжал заниматься финским, с еще большим воодушевлением, поскольку увидел, что даже не слишком длительный период знакомства с языком позволил ему вступить в диалог с финнами. И пусть финны оказались говорящими на русском, но сам факт короткого диалога, а особенно удивление Ксюши только подзадорили Игнатьева.

Он так же делал зарядку, втянулся, и по утрам тело само хотело скорее приступить к занятиям. Игнатьев еще быстро уставал, наклоны, приседания, упражнения на пресс давались ему с трудом, но он каждый день увеличивал нагрузку, и если прежде десяток приседаний давался с трудом, то теперь ту же усталость он испытывал только на третьем десятке.

Он понимал, что находится на верном пути, и потому почти не беседовал с учителем, поскольку не имел к нему вопросов. Данных прежде советов хватало, результат был налицо,

а просто болтать с посланцем Вселенной он считал чем-то неприличным.

У них состоялся только один разговор. Игнатъев, идя домой с работы пешком, поймал себя на том, что с интересом рассматривает полненьких девушек. Прежде они вызывали неприятие, даже почти отвращение, а теперь девчонки, не отличавшиеся худобой, стали казаться ему симпатичными.

Он решил обсудить эту новость с Учителем, спросил его, почему так стало происходить. Учитель ответил вопросом на вопрос:

— А сам ты как думаешь?

— Наверное, это оттого, что я худею, — предположил Игнатъев. — Чем меньше мое собственное пузо, тем легче мне мириться с чужим животиком. Я слышал о том, что противоположности притягиваются. Толстым нравятся худые и наоборот.

Учитель пожал плечами:

— Не думаю, что это так. Во всяком случае, это не абсолютное правило. Скорее, дело в другом. Раньше ты ненавидел свой живот, ненавидел так, что даже избил себя за это. И полнота любого другого человека вновь и вновь напоминала тебе о собственной полноте. Люди часто болезненно реагируют именно на справедливые замечания. Лодырь в глубине души понимает, что он лодырь, и корит себя за это. Но старается как-то спрятаться от осознания этого, ищет себе оправдания. То, что люди называют совестью, говорит ему об этом, но от совести можно долго отгораживаться, заглушать ее. Например, тот же лодырь обещает себе измениться с понедельника, с Нового года, после дождика в четверг. И добрая совесть отступает. Но если кто-то со стороны обвинит ленивца в его лени, реакция будет бурной, поскольку человек постоянно ведет спор с собой. В таком случае некто со стороны станет воплощением голоса его собственной совести. Ленивец может успокоить, обмануть, задобрить себя, но обличение со стороны обнажает ненадежность его покровов. Так, может быть, происходило и в твоем случае. Ты ненавидел себя за полноту, но поскольку жить все-таки нужно, а постоянно наказывать себя невозможно, ты находил оправдания полноте. Чужая же

полнота вновь возвращала тебя к внутреннему спору с собой. Только ты немного успокоился, кто-то невольно вновь макает тебя в грязь. И ты вновь вынужден был находить общий язык с собой, расстраиваться и успокаиваться... Конечно, ты ненавидел людей, которые вызывали необходимость новой борьбы.

— То есть, по-вашему выходит, я ненависть к себе обращал на других толстых? — спросил Толя.

— Я думаю, да.

— Но я и сейчас не в восторге от своей внешности, — пробормотал Толя.

— Однако бить себя больше не хочешь? — Учитель подмигнул ему. — Ты примирился с собой, увидел, что с проблемой, которую считал неразрешимой, можно справиться. В итоге стал иначе относиться к себе, радоваться своим успехам. Главное, ты перестал себя ненавидеть, а взвешиваясь по утрам, напротив, радуешься успехам. Потому и чужая полнота тебе больше не колет глаз. Слышал, наверное, мудрые слова: не меняй мир, измени себя, тогда и мир вокруг тебя изменится. Сейчас ты видишь, как, меняя себя, изменяешь мир...

Люба почти испугалась, увидев Игнатъева:

— Толя, ты не заболел? Почему ты так исхудал?

Он протянул ей букетик желтых и красных тюльпанов, успокоил:

— Нет, что ты! Я вполне здоров, веду здоровый образ жизни и потому худею.

На улице вновь стало холодно. В воскресенье задул холодный ветер со стороны озера, еще прятавшегося под ледяным панцирем. После недолгой прогулки Игнатъев предложил:

— А давай пойдём ко мне на обед!

Идея была принята. Они зашли в магазин, недавно выкупленный известной торговой сетью, пришедшей в город. Игнатъев решил поразить Любину воображение и потому купил не любимые им макароны или картошку, а замороженные овощи. Они должны были продемонстрировать его тягу к здоровому образу жизни. Но что за обед без мяса!

Толя не умел готовить сложные блюда, но обычный обед приготовить мог, научившись

этому еще дома. Он всегда так любил есть, что просто не мог не научиться готовить.

На этот раз он решил взять готовый фарш — сварганить котлетки было несложно, да и времени на это много не требовалось. К обеду была приобретена и бутылочка красного вина.

Люба с интересом зашла в квартирку своего друга.

— Как здесь уютно! — воскликнула она, ступив в тесную прихожую.

— Уютно, но не повернуться, — проворчал Игнатъев.

— Зато из прихожей окно видно! — улыбнулась Люба. — Оно зрительно увеличивает площадь.

Люба, сняв курточку, оказалась в коричневой кофте, перетянутой пояском. Игнатъев обратил внимание на ее большую грудь, выпирающий животик, улыбнулся. Предложил ей присесть:

— Начинаем первый выпуск нашего кулинарного шоу «Мужчина на кухне»! Просим зрителей занять свои места!

В кухне было тесно, Игнатъев принялся лепить котлеты, расположившись за обеденным столом. Поставил сковородку на плиту, налил в нее растительное масло. Подготовил тарелочку с мукой для обваливания котлет.

— Котлетки должны быть маленькими, — провозгласил он, — тогда их больше влезет!

Он ловко скатывал шарики из фарша, чуть приплющивал их и обваливал в муке, укладывал на шипящую сковородку. Через пятнадцать минут котлеты уже поджаривались.

— Приступаем ко второй части — приготовлению гарнира! — объявил Игнатъев, поставив на плиту кастрюльку с толстым дном. В кастрюльку также было налито масло, замороженные овощи из пакета оказались в ней. — А теперь для придания неповторимого вкуса сдобрим наши овощи великолепной приправой.

В запасе у Толи было несколько пакетиков с приправами, которые он извлек из шкафчика на стене.

— Леди предпочитает итальянскую или французскую кухню? — поинтересовался он с интонациями официанта дорогого ресторана.

— А чем они отличаются? — спросила Люба.

— Сегодня они отличаются следующим, — пояснил Игнатъев. — Для французского блюда мы будем использовать смесь «Прованские травы», а для итальянского, соответственно, «Итальянскую приправу».

Люба изучила состав обоих пакетиков:

— На «Итальянской приправе» написано, что она предназначена для макарон.

Игнатъев махнул рукой:

— Это только для неопытных поваров! — он с удовольствием дурачился под одобрительные улыбки девушки. — Опытные повара сочетают несочетаемое и приправляют неприправляемое!

— Лучше французскую, — выбрала Люба.

— Как леди будет угодно, — поклонился Игнатъев, играя.

Он щедро сыпанул из пакетика в кастрюльку, помешал овощи, перевернул на сковородке котлеты, успевшие поджариться снизу. При этом жесты были подчеркнута плавными, будто его снимали для кулинарной программы.

— Десять минут, и великолепный обед будет готов! — заявил он. — Не желает ли леди аперитива? Могу порекомендовать прекрасное вино урожая 1789 года!

— Что, правда? — удивилась Люба.

Игнатъев, прикрыв рукой рот, чтобы не слышал якобы присутствующий здесь же повар, прошептал:

— Леди слишком доверчива. Но вино пить можно.

— Ну, может быть, капельку, — потупив глаза, согласилась Люба. Она тоже приняла правила игры и стала изображать скромную девушку, впервые оказавшуюся в ресторане.

Пар от плиты и запах готовящихся блюд наполнял кухню, стало жарко. Люба стянула кофту, оказавшись в бледно-желтой футболке, открывавшей животик внизу. Игнатъев обратил внимание на ее полные руки, ему захотелось, чтобы эти руки обняли его, но он счел, что момент еще неподходящий.

— А ты посолить котлеты забыл! — сказала Люба.

— Соль — белая смерть! — откликнулся Толя. — Она задерживает лишнюю влагу в организме.

— Ну, может, чуть-чуть? — спросила Люба.

— Конечно, раз леди настаивает, знаменитый кулинар сделает это! — продолжал шутить Игнатъев. — А, как всем известно, котлеты солят после того, как они обжарятся! Именно это придает им неподражаемый фирменный вкус!

В это время овощи в кастрюльке начали подгорать. Толя бросил щепотку соли и в кастрюльку, а затем плеснул туда кипятка из чайника, закрыл крышкой.

— Так они быстрее приготовятся, — пояснил он.

Когда обед был завершен, Люба сказала:

— Теперь я вымою посуду.

— Нет-нет, — возразил Игнатъев. — Я все сделаю сам.

Люба улыбнулась:

— Ты — просто клад для любой женщины. Но давай все-таки я тоже поработаю.

Они стали мыть посуду вместе. Поскольку места у мойки было мало, они стояли, тесно касаясь друг друга. Игнатъев мыл тарелки и приборы, а Люба протирала их полотенцем. Толя чувствовал близость девушки, и его пьянило осознание этой близости. Когда Люба потянулась за вымытой вилок, ее волосы коснулись щеки Игнатъева, и он закрыл глаза от удовольствия.

Как только эта последняя вилка была водружена на сушилку, Игнатъев обнял Любу. Их лица были так близко, что Толя и Люба просто не могли не поцеловаться. Игнатъев почувствовал ее мягкие полные губы и стал пить их... Люба обняла его за шею, поцелуй длился долго.

— Пойдем в комнату, — шепнул Игнатъев, теряя разум, но Люба отстранилась.

— Нет, Толенька, не сегодня. Спасибо тебе за все, но мне нужно идти...

— Ну почему?! — обиженно воскликнул Игнатъев и сам устыдился своего крика. Он показался себе ребенком, которому отказали в игрушке. Тон был таким, будто Игнатъев выпрашивал близости, и это показалось ему унижительным.

Но Люба погладила его по щеке:

— Толенька, мне правда надо идти. Но так будет, наверное, не всегда. Хочешь, я приду через неделю?

— Конечно, хочу! — сказал Игнатъев. — Я и

сейчас хочу, чтобы ты осталась. Почему ты все время уходишь?

Люба улыбнулась:

— А почему ты, когда мы почти год работали вместе, ни разу не позвал меня на свидание?

Игнатъев не сразу нашелся что ответить.

— Неужели это такая месть? — спросил он после паузы и, не давая возразить, тут же добавил. — Не обижайся. Я просто стеснялся, я думал, у тебя кто-то есть.

— Нет, у меня никого не было, — сказала Люба.

— А почему тогда ты не давала понять, что я тебе нравлюсь? — Игнатъев решил сразу получить ответы на все вопросы. Он еще недавно был так неуверен в себе, что и сейчас нуждался в том, чтобы его убеждали и убеждали в присутствии у него хоть каких-либо положительных черт. Он сильно нуждался в подтверждении его привлекательности для девушки.

— Мне казалось, что это мужское дело — проявлять инициативу, — пояснила Люба. — Я же не знала, как ты ко мне относишься. Мне казалось, что я совсем тебе не интересна.

— Ну что ты! — горячо сказал Игнатъев, привлекая Любу к себе.

— Конечно, не интересна. Я и так позвонила первая...

— И правильно сделала! Я действительно хотел тебе позвонить, но боялся, что ты откажешься встретиться. Я думал, ты просто из вежливости сказала тогда, когда меня уволили, про звонок. Думал, может, просто поддержать меня хочешь.

— Дурачок! — Люба взъерошила его волосы, а он смотрел в ее огромные голубые глаза, такие притягательные, желанные...

Игнатъев снова стал целовать ее мягкие податливые губы. Его руки путешествовали по ее спине, но Люба, ответив на поцелуй, отстранилась и стала натягивать кофточку. Толя не решился ей помешать. Он только смотрел на нее так, будто хотел заплакать от огорчения...

— Можно тебя проводить?

— Ну, если только до остановки, — согласилась Люба.

Они вышли из дома, держась за руки...

Танцплощадка в боулинг-клубе терялась в

полумраке. Время танцев еще не пришло, поэтому музыка играла негромкая, ненавязчивая. Компания «Вестника» устроилась за одним из столиков, арендовав для себя дорожку. Потягивали кто коньяк, кто пиво, зажевывали орешками. Солировал Виталик:

— И вот я ей говорю, давай, мол, раздевайся. А она — ни в какую! Ну, думаю, накрылась фотосессия. Но я был не прав, выход нашелся. Дама заявляет, что хоть и сама попросила о фотосессии, и деньги заплатила, но, говорит, психологический барьер очень силен, она не может его преодолеть и я должен ей помочь!

Виталик замолчал, будто не собирался продолжать рассказ. Но он понимал, что крючок заброшен, поэтому ждал, когда аудитория проявит интерес.

— И ты помог? — спросил Миша, сидевший напротив рядом с Настей, которую он прижимал к себе.

— Конечно! — ответил Виталик. — Профессионализм не пропьешь! Она заявила, что я должен раздеться первым, тогда ей будто бы станет легче это сделать!

— И ты разделся? — поинтересовалась Настя.

Виталик довольно усмехнулся:

— Желание клиента — закон!

— Ну, ты же большой фотохудожник! — пристыдила его Ира, работавшая в рекламном отделе. Это именно рекламщики договорились о том, что боулинг-клуб будет раз в неделю предоставлять редакции дорожку. Пиво, коньяк, орешки покупались за свои деньги, а дорожка оплачивалась рекламой в газете. Владелец издания ничего не имел против, понимая, что отдыхать надо всем, а в данном случае отдых, который он позволял работникам, не требовал от него материальных затрат.

— Фотохудожники тоже хотят кушать! — ответил Виталик. — Если бы хоть раз я получил гонорар, сравнимый с деньгами, полученными за эту фотосессию, я бы был счастлив. Да и не только в деньгах дело. Заказчица сказала, что знакома с моими работами и полностью доверяет мне, так что у меня была полная свобода действий...

— Которой ты не преминул воспользоваться, — завершил его слова Миша.

— Твоя очередь! — кивнула Виталику Ксюша,

только что катнувшая шар. — Блин, как неудобно с длинными ногтями играть в боулинг!

Виталик поднялся, Ксюша упала на его место.

К столику подошел лохотный господин, стриженный ежиком. Не здороваясь, он начал возмущаться:

— Эй, Медведков! Что за хрень ты опять сочинил с последней сессии! Это я, что ли, грубо обрываю коллег? Да ты не знаешь, что такое грубо обрывать! И что за намеки о моем бизнесе? Это клевета!

— Вы, Константин Михайлович, обсуждайте эти вопросы не со мной, — улыбнулся Медведков. — Если считаете, что газета нанесла вам моральный ущерб, усматриваете клевету в моем материале, то, пожалуйста, обращайтесь в суд!

Речь шла о заметках Медведкова с последней сессии местной областной думы. Подошедший был известным в городе жуликоватым предпринимателем, неизменно выигрывавшем выборы за счет алкоголиков своего округа, которые, польстившись на дармовые бутылки, дружно голосовали за своего благодетеля. Доказать подкуп избирателей все равно никто не мог, да и не особенно хотел. Деловые интересы предпринимателя вступили в конфликт с интересами владельца газеты, и «Вестник» не постеснялся в оценках поведения недруга.

— Ты особо-то не рыпайся! — пригрозил предприниматель. — А то у меня разговор коротким будет!

— Вы мне угрожаете? — удивился Медведков. — При свидетелях? Ксюша, кто, ты говорила, сидит там за угловым столиком?

Ксюша метнулась из-за стола, а через минуту вернулась в сопровождении гладкого молодого парня.

— Василий Андреевич, — обратилась она к парню. — Позвольте представить вам редактора «Вестника» Александра Медведкова. Саша, это тот самый следователь областной прокуратуры Василий Серегин, интервью с которым ты так высоко оценил.

Предприниматель отступил в сторонку.

Медведков рассыпался в комплиментах по поводу недавнего интервью со следователем, а затем заметил:

— Кстати, Василий Андреевич, не можете ли вы меня проконсультировать, к кому может обратиться журналист, когда ему угрожают физической расправой? Мы тут с Константином Михайловичем не можем прийти к общему мнению...

Следователь понял, в чем дело.

— Александр, вам и всем журналистам «Вестника» прокуратура с удовольствием даст любые консультации. У Константина Михайловича тоже есть вопросы? — он повернулся к предпринимателю.

Тот пожал плечами:

— Все свои вопросы я буду задавать в другом месте.

Сказав это, предприниматель повернулся и пошел прочь, а Медведков поблагодарил следователя.

— Ты меня подставляешь, куколка, — сказал тот Ксюше.

Девушка чмокнула губками, символически целуя его.

— Пупсик, не обижайся! Мне нужна была помощь.

Игнатьева поразило все произошедшее. На его глазах его коллегам угрожали, и тем пришлось обратиться за помощью в правоохранительные органы. Значит, верно говорят о том, что журналистика — опасная профессия. Еще больше его поразило, что вся эта сцена будто была списана с детективного сериала, в правдивость которых он не верил. В голове не укладывалось, чтоб вот так, прямо в боулинг-клубе, между глотками пива решались серьезные вопросы.

— Саша, это опасно? — тихо спросил он Медведкова. — А вдруг этот сумасшедший наймет каких-нибудь громил? Ты не боишься?

— Что он — дурак, что ли? — отмахнулся Саша. — Это он так, подошел выразить недовольство.

— Его так задела твоя статья?

— Нет, его задело то, что наш редактор явно лидирует по округу, где он надеялся провести своего человека.

— И что он хотел от тебя?

— Ничего не хотел. Зло сорвать. Посмотреть, какотреагируем. Увидел, что никто не гнется, будет делать выводы.

— Какие? — Игнатьев открывал для себя но-

вое. Технология выборов была для него темным лесом.

Медведков устало вздохнул:

— Толя, тебе-то это зачем? Ну, если хочешь... Наш хозяин изначально предлагал Косте поделить округа, тот заартачился, мы двинули тяжелую артиллерию. Теперь Костя видит, что его ребят зажали. Он может их провести, но слишком много нужно вкладывать. То количество депутатов, которое он проведет в горсовет, не дает ему никаких гарантий, большинства он не получит при любых обстоятельствах. Придется договариваться с другими лидерами. С нашим, например. Костя понимает, что переоценил свои силы, напрасно угрохал кучу бабла и рискует угрохать еще больше. Думаю, он попытается договориться, но перед этим немножко побузил, сорвал зло на мне.

— А как договорится? — заинтересовался Игнатьев.

— Поделим округа, где-то снимем своих кандидатов, где-то он своих снимет...

— А ради чего все это? — не понимал Толя.

— А кто устанавливает ставки аренды городского имущества? — спросил Медведков и сам ответил: — Горсовет устанавливает. Что у Кости, что у нашего шефа множество контор располагаются в муниципальных зданиях. Так что ребятам есть за что бороться.

— Выборы всегда так проходят? А если победит кто-то третий?

Спокойный инструментал уступил место громкой ритмичной музыке. Медведков повысил голос, чтобы быть услышанным.

— На выборы идут командами, — пояснил он. — Один депутат вообще ничего не решит, нужна мощная группа. Борьба идет между группами, а не между отдельными кандидатами. Бывает, конечно, что и одиночка неожиданно пройдет. Его либо купят, присоединив к какой-либо команде, либо будет болтаться, как дерьмо в проруби. О, моя очередь!

Медведков пошел выбирать шар.

— А ты почему только кофе тянешь? — спросил он Толю, вернувшись. — Денег нет? Давай я тебе коньячка возьму.

Толя, который сегодня голодал, наотрез отказался.

— Ну, смотри, надумаешь — скажи, — предложил Саша. — Вообще-то, завтра аванс, будешь с деньгами.

— То есть выборов на самом деле нет? — Толя вернулся к обсуждавшейся теме.

— Как это нет? — удивился Саша. — Выбор всегда есть. Просто часто бывает, что он заранее предопределен. Но случиться может всякое, поэтому и работаем не покладая рук.

Для Игнатьева все впечатления сегодняшнего вечера были внове. Обычно он не посещал места модных тусовок в городе, чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Считая, что он плохо выглядит, стеснялся показаться там, где собираются успешные, как он думал, небедные люди. Но сегодня он понял, что напрасно стеснялся. Вокруг хватало персонажей любого вида. Какие-то толстяки в официальных костюмах пришли в сопровождении юных девочек-моделек, рокеры с дредами громко ржали, попивая пиво, народ оттягивался так, как считал нужным. Заведение было большим. Здесь можно было не только играть в боулинг, но и танцевать на большом танцполе, слушать музыку, пить, сидя за столиками. Игнатьев почти не стеснялся своего свитера, но, присмотревшись к публике, понял, что все-таки вольное отношение к одежде относилось больше к мужчинам. Он подумал, что Люба в ее простой коричневой кофте вряд ли смотрелась бы здесь как своя. Девушки были яркими, привлекали внимание.

Через два часа компания «Вестника» переместилась за другой столик, уступив дорожку следующим игрокам. К тому времени музыка стала еще громче, на танцполе появились первые персонажи. Три девчонки танцевали, демонстрируя кошачью гибкость.

— Надо пойти составить им компанию, — сказал Виталик, потирая руки, но остался на месте.

— Конечно, составь! — отозвался Миша. — Получил гонорар за фотосессию, как раз хватит на девушку.

— А это что, э-э... — протянул Толя, стараясь подобрать небходимое слово.

— Ну, как сказать, — объяснил Саша. — Эти девчонки ищут спонсора.

— На вечер? — уточнил Игнатьев.

— А это как повезет, — пояснил Медведков. — Может, на вечер, может, на месяц, может, и подольше...

— Ну почему ты так говоришь? — возмутилась Ксюша. — Просто девушки отдыхают и никого не ищут.

Компания приняла эти слова за шутку и отреагировала смехом.

Коллеги отдыхали, а Толе стало немного скучно. Трудно было сидеть там, где люди пьют, развлекаются, не принимая участия в общем веселье самому. Ребята сидели, утопая в мягких креслах. Виталик, травивший байки из своей богемной жизни, положил руку на плечи Ксюше, привлекая девушку к себе. Ксюша кокетничала и, казалось, не имела ничего против. Игнатьев досадовал на себя за то, что сам не осмелился сделать это раньше. В памяти всплыло ее общение со следователем. «Пупсик!» Ну надо же! Конечно, где набраться смелости, чтобы подступиться к этой красавице, которая называет пупсиками следователей прокуратуры! Но вот же Виталик, он не стесняется. Почему так происходит? Пусть следователь — это гораздо круче, чем верстальщик. Но чем лучше Игнатьева Виталик? Пошлые шутки, пошлые байки... И почему она смеется, когда он их рассказывает?

Ксюша сняла курточку и оказалась в желтом топике, обнажавшем загорелый плоский животик. Ее голые локти касались Игнатьева, и от этого он испытывал трепет, хотел, чтобы это повторялось чаще. А сама Ксюша не замечала, какое воздействие оказывают ее случайные прикосновения. Чувствуя дрожь в теле, Толя решил унять ее и не придумал ничего лучше, чем выпить коньяка. Ему показалось, что все мысли вылетели из скованной туманом головы. Он не мог оценивать своих действий, забыл об Учителе, о намерении строго придерживаться выработанного режима. Он не мог больше терпеть это странное состояние и попросил Медведкова заказать для него сто граммов.

— О-о! Вот и наш трезвенник решил все-таки последовать тлетворному примеру! — закричал Виталик. — И это правильно! Давно пора вливаться в коллектив! Почему мы до сих пор не набрались в честь прихода новых сотрудников?

Настя, сидевшая в обнимку с Мишей, ответила за Игнатьева, приняв замечание фотографа и на свой счет:

— Будет аванс, вольемся!

— Сольемся в экстазе, — прокомментировал захмелевший Медведков.

Заиграла медленная музыка, и Миша с Настей отправились на танцплощадку. Игнатьев после глотка коньяка почувствовал, как голова прояснилась. Теперь мысли приняли четкое направление, и он понял, что просто обязан пригласить Ксюшу на танец, иначе такого шанса может долго не выпасть.

Ксюша легко согласилась, Виталик убрал руку с ее плеча:

— Эх, молодость-молодость! Вам еще хочется двигаться, а нам, старикам, лучше на лавочке сидеть, пивко потягивать. Выпьем, Саша!

Ладони Игнатьева покрылись от волнения липким потом, он испугался, что это не понравится Ксюше и потому едва касался ее кожи. Голова вновь затуманилась, он мучился от того, что не мог придумать, о чем бы поговорить с девушкой, ругал себя за это, казался сам себе глупым. Ему хотелось сжать в своих руках ее тело, но он боялся, что оно выскользнет из потных ладоней. Так же легко касаясь ее кожи лишь кончиками пальцев, он начал смыкать ладони, ощутил подушечками пальцев позвонки под ее тонкой кожей, чуть не застонал от сладкого томления. Его глаза затуманились, но Ксюша, видимо, поняв, что с ним происходит, отстранилась.

Так молча они и дотанцевали этот танец, вернулись на место. Толя не смог бы определить словами чувство, охватившее его, но переживать это состояние было тяжело. У него было такое ощущение, будто тяжелый каток проехал по нему, раздавил, превратил в плоскую картинку...

Миша и Настя, вернувшиеся вслед за ними, целовались, стоя у стола.

— Так, ребята, — сказал Медведков. — Вы как хотите, а мне пора. Утром на работу, нас ждут великие дела.

— Мне тоже пора! — сообщила Ксюша.

— Можно тебя проводить? — спросил Игнатьев. Он вышел вслед за Ксюшей, помог ей одеться.

— Не провожай, у меня тут друзья в соседнем доме, я еще к ним забегу, — сказала Ксюша.

Он вышел вслед за ней на улицу, не одеваясь.

— Простудишься, — сказала Ксюша.

— Можно я тебя поцелую? — спросил Игнатьев.

Тон его был жалобным, Ксюша поколебалась, отвела глаза, но потом подставила щеку. Игнатьев же впился в губы, провел по ним языком. Губы Ксюши были тонкими, крепкими, как и ее стройное подтянутое тело. Игнатьев закрыл глаза, вновь испытал прилив томления, как и прежде на танцполе...

Ксюша отодвинулась.

Игнатьев, глядя ей в глаза, сказал:

— Выходи за меня замуж!

Ксюша загадочно улыбнулась.

— Я подумаю, Толя, — сказала она, но Игнатьев понял, что это был отказ. Он не удивился, потому что не ожидал другого.

В это время вывалился расплачивавшийся Медведков. Подхватив Ксюшу под руку, он кивнул на прощание Толе.

Стоя на крыльце боулинг-клуба, Игнатьев грустно смотрел вслед удалявшейся паре. Он подумал, что Ксюша его обманула, никакие друзья по соседству ее не ждут.

Когда он вернулся к их столику, то увидел, что Виталик переместился к компании молодых женщин. За их столиком раздавался смех. Миша и Настя беседовали, не обращая внимания ни на кого. Толя осмотрелся, раздумывая, чем заняться. На секунду его соблазнила идея присоединиться к Виталику, женщин за столиком, куда переместился фотокорреспондент, хватало. Но Толя отменил эту мысль, ему подумалось, что тем самым он разрушит сладкое чувство, возникшее, когда он держал Ксюшу в своих ладонях. Это чувство будто сконцентрировалось в кончиках пальцев, Игнатьеву хотелось сохранить его как можно дольше. Он взглянул на не замечавших его Мишу и Настю и отправился домой.

Утром Толя переживал, что вчерашние калории, полученные с коньяком, дадут о себе знать тем, что вес за сутки голодания не изменится. Но ничуть не бывало. Напротив, выпи-

тые сто граммов помогли ночью пропотеть, потерять лишнюю жидкость и сказались тем, что вес упал еще больше обычного. Это примирило Игнатьева с действительностью, даже ощущение гадости во рту не портило настроения. Завтракать не хотелось, но разумный подход к режиму, заключавшийся в соблюдении этого самого режима, диктовал свои условия. Толя затолкал в себя несколько ложек привычной каши с тушенкой и отправился на работу.

Он со страхом ждал появления Ксюши, раскаиваясь в своем вчерашнем предложении. Он сожалел не о самом предложении, а о реакции девушки, отказавшей ему. Было обидно, хотя обида была сглажена благодарностью к этой умнице, не высмеявшей чувство Игнатьева, не отвергшей его презрительно, а нашедшей мудрую форму отказа.

Порой Игнатьев начинал надеяться, что, может быть, Ксюша имела в виду именно то, что сказала. То есть, может, она действительно собиралась подумать, а не отвергнуть Толину любовь. Но тут же Игнатьев обрывал себя, уговаривал не заниматься самообманом.

Да и любовь ли это? Игнатьев не знал, что такое любовь. Чувство, которое он испытывал к Ксюше, казалось ему каким-то очень болезненным, нездоровым, туманным. Томление, охватывавшее его, когда он думал о девушке, лишало его воли и разума.

Это было совсем не похоже на чувство, которое он испытывал, думая о Любе. Мысли о Любе были гораздо более трезвыми, спокойными, понятными.

Ксюша казалась недостижимой вершиной, Люба — совершенно близкой и родной, хотя собственно близости-то между ними еще и не произошло.

Ксюша появилась в конце дня и вела себя так, будто между ними не было ни поцелуя, ни разговора. Игнатьев был благодарен ей за это.

Аванс превзошел ожидания. В этой сумме были и деньги за дополнительную работу, за верстку выборных газет. Таких денег Игнатьев прежде не получал. В субботу он накупил конфет и печенья, разных колбас, сыра, всего, что казалось ему вкусным, и пришел к родителям.

Мама, как обычно, бросилась обтирать его

ботинки, Толя попытался сопротивляться, собрался выхватить тряпку, но мама вцепилась в нее так, будто это был кошелек с месячной пенсией, и Игнатьев уступил ей. Сейчас ему казалось, что мама не получила той доли мужского внимания, которая нужна каждой женщине. Только когда Толя стал пробовать ухаживать за девушками, когда начал воспринимать себя как кавалера, он понял, насколько обделена была его мама. Но, с другой стороны, разве она страдала от этого? Разве не сама она поставила дело в семье таким образом, что мужчины позволили ей обслуживать их? Похоже, маму Игнатьева вполне устраивало именно такое положение, позволяло ей ощущать себя важной и нужной частью семьи.

Уплетая мамин борщ, Толя рассказывал о новой работе, похвастался большим заработком, сказав, что теперь сможет обходиться без помощи родителей. Те, однако, запротестовали.

— А на кого нам еще деньги тратить, как не на тебя? — спросил отец.

— Лучше купи себе красивый костюм, — посоветовала мама. — Ты в большом коллективе работаешь, в газету, наверное, важные люди приходят...

А в воскресенье он вновь встретился с Любой. Она, как и договаривались, сама пришла к нему домой. Все между ними было уже сказано неделю назад, поэтому Игнатьев сразу на пороге притянул девушку к себе, стал целовать ее губы, стараясь утопить в поцелуях свои сомнения и мучения.

Игнатьев был совсем неопытен и стеснялся этого, старался произвести впечатление мужчины с прошлым, но у него плохо получалось. Потом, в процессе, он понял: все написанное о моментах близости, что приходилось ему читать, было как-то уж слишком расцвечено фантазией авторов. Он не терял разума, хотел бы, но не мог отключиться от действительности, четко осознавал все, что происходит. Ему было тепло и хорошо, когда он увидел, как отдавалась любви Люба, он вдыхал ее запах, любовался раскрасневшимся телом, но сам оставался трезв, не мог расслабиться...

Он не смог завершить, хотя очень обрадовался, когда тело девушки стало содрогаться

под ним. Он осознал себя мужчиной и тихо радовался этому, когда они отдыхали, и его голова покоилась на ее мягком животе. Его тянуло к этому животу, к мягкой большой груди, и он подумал, что это какая-то древняя тяга мужчины к женскому лону, где его ждет добрый покой.

Люба ерошила его волосы, и он хотел бы, чтобы эти минуты длились вечно...

Но Люба вскоре засобиравалась домой.

— Почему ты всегда уходишь? — с тоской спросил Толя.

— Но я же снова прихожу, — Люба положила ладонь на его плечо.

— Может быть, мы с тобой уедем куда-нибудь на следующие выходные? — предложил Толя. — На базу отдыха. Хочешь?

— Хочу, — ответила Люба. — Но не сейчас, чуть позже. Хорошо?

Толя кивнул. Он стал одеваться, чтобы провонять девушку, но та упростила его остаться дома.

Игнатъев хотел было поговорить с Учителем, улеся, чтобы расслабиться, но ему стало стыдно. С вечера, когда он в день голодания пил коньяк, он боялся общения с посланцем Вселенной. Думал, тот скажет что-нибудь такое, отчего Толе будет стыдно. Толя не стал представлять восточную комнатку, где его ждал Учитель, а вместо этого, лежа в постели, хранившей запах Любы, думал о девушке.

Спустя пару дней Медведков попросил Толю зайти к нему в кабинет. Там уже была Ксюша, забравшаяся с ногами в кресло, стоявшее в углу.

— Лед тронулся! — сообщил Медведков. — «Городская автомобильная компания» и еще ряд предприятий заказали у нас изготовление нескольких буклетов. Тексты должна подготовить Ксюша, дизайн буклетов — на тебе.

— Мы будем работать как рекламное агентство? — спросил Толя, не очень довольный тем, что ему придется верстать рекламу. Ему больше нравилось работать с газетными полосами.

— А мы и так работаем! — пожал плечами Медведков. — Кстати, предполагается, что в «Вестнике» выйдет несколько статей об этих компаниях.

— Провести журналистское расследование? — спросила Ксюша.

— Ну что ты говоришь! — возмутился Медведков. — Люди нам денег хотят дать, а ты сразу — расследование! Статьи — рекламные.

— Все понятно, Костя договорился со Стасиком, — сказала Ксюша.

Медведков продолжал:

— В общем, ребята, сейчас это наш любимый партнер. Поэтому я прошу всю работу выполнить качественно и в установленные сроки. У вас есть дней десять. Но сегодня вам нужно встретиться с заказчиком. Константин Михайлович ждет вас сегодня в баре «Восход» в восемнадцать ноль-ноль.

— Сашуля, — промурлыкала Ксюша. — Тебя можно поздравить? Рокировки уже провели? Ты станешь редактором?

— Это будет зависеть от того, как вы справитесь с работой, — улыбаясь, сказал Медведков. Видно было, что он шутит.

— А при чем здесь вообще буклеты? — не понял Толя.

Понизив голос, Саша пояснил:

— Стасик снимает троих, а Костя — одного. За оставшихся двоих он платит Стасику. Деньги хорошие, но пройдут они как плата за рекламу. Усек? Если что, это не я тебе сказал.

— Это обычные схемы, — вставила слово Ксюша. — Толя мог и сам догадаться.

— Вот и будем считать, что он сам догадался, — согласился Медведков. — А теперь — за работу.

Бар «Восход» — тихое местечко «для своих» — трудно было разыскать человеку, не бывавшему там прежде. Заведение располагалось на первом этаже пятиэтажного дома в районе новостроек и ничем не привлекало внимания. Плотные закрытые жалюзи окна, скорее, присутствующие офису, чем увеселительному заведению, металлическая дверь с маленькой табличкой. Вряд ли у кого могло возникнуть желание посетить этот бар, а если и находился такой чудаки, то чувствовал он там себя не очень-то уютно. Неулыбчивый к посторонним посетителям бармен, официантка, демонстрировавшая усталость и презрение...

Собственно, этот бар и был офисом, в котором

его владелец — предприниматель Константин Михайлович Воронов — вел прием посетителей, принимал гостей, обсуждал с коллегами планы развития бизнеса. Обсуждать было что. Начав в 90-е с ларька, торговавшего всяческой мелочью, Константин Михайлович Воронов чем только не занимался: торговлей и строительством, пошивом одежды и торговлей недвижимостью, автобизнесом. Он постоянно покупал и продавал все, что можно было выгодно купить и продать. В последние годы он стремился прочно войти в политику, продвигая своих людей всюду, куда можно было влезть. При этом умудрялся не перессориться с такими же, как он, предпринимателями, умело разделяя сферы влияния.

За одним из пяти столиков, тонувших в полумраке бара, Воронов беседовал с коллегами. Это были директора двух его предприятий. В общем-то, должности мало что значили для этих людей — они были просто людьми Воронова, которых он ставил, куда требуется в данный момент, поручая им осуществлять совместно выработанные идеи.

Ксюша и Толя вошли в бар и остановились на пороге, пока глаза привыкали к полумраку. Воронов крикнул им:

— Журналисты, давайте сюда!

Толя увидел, как он взмахнул руками, и Воронов показался ему пауком, заманивающим в свои сети доверчивых мушек.

Но подойти пришлось. Воронов посмеивался, демонстрируя хорошее настроение.

— Значит, так! — начал он, как только Толя и Ксюша присели. — Я хочу, чтобы вы...

Он выделил голосом эти «я» и «хочу», давая понять, что его желания здесь — закон, не подлежащий оспариванию. Толя подумал, что Воронов пытается взять реванш за унижение, испытанное от Ксюши в боулинг-клубе. По мнению Игнатьева, это желание выдавало мелкую душонку предпринимателя, но Толиного мнения никто не спрашивал, и он оставил его при себе.

Деловая часть переговоров завершилась довольно быстро. Директора высказали свои пожелания, рассказали о том, что должно быть в буклетах, и отдали Ксюше заранее подготовленные материалы, с которыми ей предстояло

работать. Воронов, решив, видимо, что должен продемонстрировать, кто здесь главный, разговор не завершал.

— Вы должны сделать мне хорошие буклеты! Самые лучшие! Понятно? Потому что я всегда выбираю самое лучшее!

— Кто бы сомневался! — поддакнула Ксюша, глядя на бизнюка честными глазами.

Толя едва сдержал смехок, но Воронов не уловил издевки в словах девушки и принялся развивать тему.

— Это ты правильно говоришь! Вообще, вы должны гордиться тем, что я у вас заказал буклеты. И Стасик ваш должен гордиться, и вы сами. То, что я обратился к вам, доказывает, что вы — лучшие.

Ксюша с серьезным выражением лица кивала. Игнатьев посмотрел на лица сидевших с Вороновым директоров. Один из них, казалось, не обращал на речи шефа внимания, второй наклонил голову, пряча то ли ироничную улыбку, то ли краску стыда за разливавшегося соловьем Воронова.

На того же внимание Ксюши произвело впечатление. Предприниматель подозвал официанта, на столе появились водка и вино, салаты. Коллега Воронова, который, это было видно, понимал, насколько нелепо выглядит хвастающий без меры шеф, от алкоголя отказался, попросив принести чай. Толя вслед за ним попросил чаю.

— Что, не мужик, что ли? — презрительно спросил Воронов. — Вон Ксюша так с нами выпьет!

Он поинтересовался, что будет пить девушка, та указала на вино.

Толя просто пожал плечами:

— Ваш коллега тоже чай пьет!

Воронов расхохотался:

— А у него это принципиальное!

— У меня тоже, — сказал Игнатьев.

Воронов, выпивший рюмку махом, вдруг посерьезнел. Его лицо стало не злым и не добрым, а каким-то отстраненным, глаза приобрели стеклянный оттенок. Толя подумал, что с таким лицом только к смерти людей приговаривать, настолько бесчувственным оно показалось.

— На принципы имеет право тот, кто это право доказал, — металлическим голосом сказал предприниматель. — Эдуард заработал столько денег, что тебе и не снилось. Заработаешь столько же — будешь иметь принципы. Понял?

На помощь Игнатьеву поспешили оба коллеги Воронова. Тот, что сидел с непроницаемым лицом, успокаивающе сказал:

— Константин Михайлович, не заводись, пожалуйста! Может, у человека язва.

Эдуард, показавшийся Толе более интеллигентным, возразил на слова Воронова:

— При чем здесь деньги? Не в них счастье.

Воронов смягчился:

— Так говорить тоже имеет право только тот, кто эти деньги заработал. А если больной — ладно, пусть чай пьет. Что мне, чаю жалко?

Воронов выпил еще, а потом усмехнулся:

— Между прочим, было время, когда я тоже чай пил. Правда, был я тогда боксером. Ты-то на боксера не очень похож, — кивнул он Толе. — Рыхловат.

Игнатьеву захотелось запустить чашку с горячим чаем в самодовольную морду Воронова, но Ксюша поспешила увести разговор.

— Ой, говорят, вы много боев выиграли! — воскликнула она, с восхищением глядя на предпринимателя. — Трудно было?

— Всякое бывало, — протянул тот, явно польщенный вниманием девушки. — Вот, помню, однажды...

Толя, уставившись в чашку, мучительно переживал, когда закончится эта ненужная ему беседа. Но Ксюша только подбадривала Воронова, явно кокетничая. Игнатьев злился и на нее, обвиняя весь женский пол в меркантильности. Разве не для того она делает вид, что ей интересно, чтоб получить что-нибудь от бизнюка?

Спустя полчаса Воронов, разомлевший от деятельного поддакивания Ксюши, предложил:

— Поехали в сауну? Продолжим общение! Давай, Ксюша, соглашайся, и Толика твоего возьмем, если хочешь.

— Нет! — выкрикнул Толя, резко поднявшись с места. — Мне надо идти!

— Ну, надо так надо, — пожал плечами Воронов. — Не хочешь — как хочешь. Эдик, позвони в нашу сауну.

Но Ксюша поспешила подняться вслед за Толей:

— Да-да, нам уже пора.

Лицо Воронова выразило разочарование, но он не стал задерживать девушку:

— Ну, было бы предложено. Значит, мужской компанией отправимся. А там посмотрим...

Эдуард, отходивший от столика с телефоном, вернулся:

— Через полчаса все будет готово, вас ждут. А я тоже сегодня — пас.

Он пошел вслед за гостями, провожая их к двери. Протянул на прощание руку Толе и чуть придержал за локоток Ксюшу. Игнатьев вышел, но не прикрыл дверь плотно, а потому услышал, как коллега Воронова сказал журналистке:

— Приятно было познакомиться. Хотелось бы продолжить знакомство. Не в сауне, конечно. Недавно новый ресторан японской кухни открылся. Может, посмотрим вместе, что там есть японского?

— Может быть, — ответила девушка. — Позвоните, номер на визитке есть.

Игнатьеву стало тошно. Когда они с Ксюшей оказались на улице, он процедил сквозь зубы по адресу предпринимателей:

— Быдло!

— А нам-то что? — отозвалась Ксюша.

Игнатьев крепился, но не смог справиться с обидой:

— А сама с ними заигрывала!

— Кто?! — Ксюша сделала удивленные глаза. — Я?!

Толя насупленно кивнул.

Ксюша рассмеялась, но, как показалось Игнатьеву, весьма ненатурально.

— Я просто дала Воронову возможность похвастаться. Он остался доволен, значит, не будет срывать обиду за союз со Стасиком на нас, а то придерется к буклетам, придется по восемь раз переделявать.

Толя, высказывая обиду, имел в виду не только ее кокетство с Вороновым, но и последний разговор с Эдуардом. Однако, решив, что Ксюша найдет что сказать в ответ на любые обвинения, не стал уточнять. Да и кто он такой, в конце концов, чтобы обвинять ее в чем-либо?

Дома Игнатьеву хотелось есть, чтобы успокоить нервы, но он сдержался, улегшись спать. Утром весы вновь показали, что Толя резко худеет, но это лишь чуть-чуть приподняло настроение.

Он позвонил Любе, но та, похоже, совсем не могла говорить.

— Толенька, давай потом созвонимся, — сказала она. — Я сама тебя наберу.

— А что случилось-то? — с интонациями ребенка, не получившего обещанную конфету, крикнул Игнатьев.

— Потом-потом, — завершила разговор Люба. — Все потом. Целую тебя! Пока!

Он думал, что Люба позвонит вечером, но звонка не было. Не позвонила она и в воскресенье. Он решил позвонить сам, но Любин телефон был отключен.

Надувшись на весь мир, Игнатьев поклялся себе, что больше первым звонить не будет.

Начались рабочие будни, Ксюша в редакции появлялась редко, тексты для буклетов скинула по электронке. Игнатьев сосредоточился на работе, запрещая себе думать о девушках. Экспериментировал с расположением текстов, фотографий, слоганов и логотипов, менял цвета, добиваясь цельного восприятия, и наконец показал свою работу Медведкову.

— Толик, ты — гений! — воскликнул Саша. — По-моему, это замечательно! Я сам позвоню Воронову.

Буклеты были приняты без правок. Медведков отозвал Толю в сторонку и, достав из кармана деньги, отсчитал несколько купюр:

— Тебе — половина, и Ксюхе — половина.

— Что это? — спросил Игнатьев.

— Премия, — ответил Саша. — Не волнуйся, я не свои тебе даю. Помощник Воронова просил передать за отлично выполненные макеты, а я никогда не был против, чтоб мои люди зарабатывали себе дополнительный кусочек масла.

— Эдуард? — насупившись, спросил Толя.

— Угу, — подтвердил Медведков.

— Отдай все Ксюхе! — Толя попытался вернуть деньги Саше, но Медведков отступил на шаг.

— Не валяй дурака! — заявил он. — Ксюха не в обиде. Думаю, вам еще и Стасик что-нибудь подкинет.

Игнатьеву было тяжело. Еще тяжелее становилось, когда он слышал постоянный смех из угла, где работали Миша и Настя. Они и приходившие на работу стали вместе. Однажды утром, пока этой парочки еще не было, Толя поделился своим наблюдением с Иванычем.

— Так ты что, ничего не знаешь? — удивился тот. — Миша оставил своих троих детей, в том числе и последнего, который месяцев семь назад родился, и ушел к нашей юной верстальщице! Они уже вместе живут!

По тону Иваныча непонятно было, возмущался он этим фактом или восхищался. Известие оглушило Игнатьева. Он как-то не предполагал, что можно, оказывается, так быстро решать столь серьезные вопросы. В тот же день, когда Ксюша впорхнула в редакцию, он решительно подошел к ней и пригласил пообедать вместе.

— Ой, Толенька, я уже убегаю! — отказалась она.

— Ну, пожалуйста! Мне очень надо! — в его голосе была такая мольба, что Ксюша не смогла не выполнить его просьбу.

В кафе он напомнил ей о своем предложении и ее обещании подумать.

— Толенька, я очень ценю твои чувства, — сказала Ксюша, положив свою ладонь ему на руку. — Но, понимаешь, я пока не планирую создавать семью, выходить замуж. Я еще не определилась с тем, чего хочу достичь. Может, оставлю журналистику, пойду учиться на юриста, может, еще что придумаю. В общем, если я сейчас соглашусь, то потом вдруг подумаю, что чего-то не добилась, чего очень захочется, а обвинять в этом начну тебя. Тебе это надо?

Идя домой, Игнатьев вновь ругал себя последними словами, называл никчемным неудачником. Но, посмотревшись дома в зеркало, вопреки ожиданиям, не испытал знакомого чувства ненависти к своему отражению. В зеркале он увидел пусть несколько расстроенное, но вполне симпатичное лицо, украшенное щетинкой, придававшей этому лицу некоторую худощавость. Игнатьев, к своему удивлению, сам себе понравился, показался романтичным и даже красивым, точнее, брутальным.

Пятница прошла быстро, Игнатъев провел день без еды, стремясь ускорить процесс худения. В конце рабочего дня он вновь позвонил Любе, та взяла трубку. Ее голос показался Толе расстроенным, но на его вопросы она отвечать не стала, опять отказалась от встречи и пообещала перезвонить.

Настроение Игнатъева резко испортилось, он разозлился настолько, что решил плюнуть на все свои старания и пошел к Медведкову:

— Саша, пойдем пить водку!

— Пойдем! — согласился Медведков.

Игнатъев пригласил товарища к себе.

— Твоя квартира? — поинтересовался тот, осматривая Толино жилище. — Пусть маленькая, но славная. Да ты — выгодный жених!

Игнатъев, услышав эти слова, только рукой махнул. Выпив на голодный желудок, быстро опьянел. И вывалил все свои страдания и сомнения.

— В общем, это посложнее, чем тесты, которые Иваныч задает! — закончил он свой рассказ.

— Э, братец, тебе отдохнуть надо! — заявил Медведков. — Через две недели вся эта выборная канитель закончится, езжай-ка ты на море! В Турцию или в Египет. Дешево и славно!

Толя запротестовал. На море он бывал нечасто, а поездка за рубеж вообще казалась таким сложным делом, что планирование ее за две недели Игнатъеву казалось авантюрой.

— Толик, ты где живешь? — спросил Медведков. — Весь мир ездит! У Стасика есть своя туристическая компания, они тебе найдут горящую путевку. Я с ним поговорю, так он может тебе и рассрочку дать в счет будущих зарплат. Да ты и так неплохо получишь за все выборные газетки, за буклеты... Это кроме зарплаты. Дай объявление, что попутчицу ищешь, от девочек отбоя не будет. А не хочешь — там кого-нибудь найдешь. Да хоть развеешься, новые места посмотришь, краски яркие — снова жизнь праздником покажется.

— Я же только приступил к работе, — продолжал протестовать Игнатъев. — Кто меня отпустит?

— Я! — гордо сказал Медведков. — Не волнуйся, я за друзей всегда готов похлопотать!

— Мне в Финляндию хочется, — заявил Толя. — Я язык учу.

— Ну, можно и туда, только время нужно визу делать. А Турция с Египтом — безвизовые: сел и полетел!

Игнатъев вновь налил полные стопки. В бутылке еще немного оставалось.

— Не гони, — попросил Медведков.

Толя заговорил о том, что его волновало:

— Да-а, а Ксюша с тобой после боулинга пошла, а сказала, что к друзьям идет...

Медведков сначала не понял, о чем идет речь, а когда Толя объяснил, расхохотался:

— Во-первых, она действительно скоро свернула и ушла. А во-вторых, не я же ее замуж звал!

— Ну и что? — спросил Игнатъев.

— То, что со мной идти она не боялась, а с тобой — боялась! Вдруг опять начнешь замуж звать!

— Начну! — согласился Игнатъев.

— А как же твоя Люба?

Толя пожал плечами:

— И Любу начну!

— Вот я о том и говорю, — напомнил Медведков. — Юношеская гиперсексуальность тебе покоя не дает. Не хочешь девушек по вызову? Тогда езжай отдыхать, найди себе кого-нибудь там, оторвись и успокойся!

— Да как же найти-то! — с пьяной слезой в голосе воскликнул Игнатъев. — Вот Ксюша же не хочет быть со мной! И Люба неизвестно почему пропала.

— Может, у нее свой сложный период? — предположил Медведков. — Может, так сказать, критические дни и она стесняется?

В субботу Толя долго не вставал со своего матраса, сбитаая простыня валялась на полу. Игнатъев мучался от головной боли, испытывал стыд и за то, что открылся перед Медведковым, и за то, что так нелепо прекратил голодание. На связь с Учителем он выйти не пытался, хотя сделать это хотелось. Ему было стыдно и перед посланцем Вселенной, будто предал Учителя и теперь не мог смотреть ему в глаза. К полудню Толя поднялся, долго отмокал в ванной. Вечерние события казались ему полным провалом, и потому, когда аппетит стал возвращаться, он ел без ограничений.

Вечером, окончательно придя в себя, он все же осмелился поговорить с Учителем.

В его глазах Толя увидел понимание и сочувствие. От этого Игнатьеву захотелось плакать.

— Почему у меня ничего не получается? — жалуясь, спросил он.

— Разве не получается? У тебя не получилось соблюдать свой план вчера вечером и сегодня. А в остальном — все прекрасно получается, — не согласился с ним Учитель.

Его спокойный тон оказывал целебное воздействие на Игнатьева, но он хотел слышать слова поддержки еще и еще, поэтому продолжал спорить:

— Вчера, сегодня — это уже долго. Я хочу худеть и не могу придерживаться того, что ты мне советуешь. Я подумал, что ты перестал мне помогать!

Учитель улыбнулся:

— Ты поступаешь так, как большинство людей. Если у них что-то не получается, они начинают винить кого угодно: других людей, Бога, Вселенную...

— Я и себя виню! — возразил Толя.

— А этого тоже не надо делать! — убежденно сказал Толин собеседник. — Не надо никого винить, надо анализировать ситуацию и делать выводы.

— Но, раз я напился вместо голодания и сегодня целый день жрал, значит, ты мне не помогаешь? — Толе казалось, что этот вопрос поставит Учителя в тупик. Вывод был логичным, но Игнатьеву очень хотелось, чтобы Учитель заверил его в своей постоянной поддержке.

— Я тебе помогаю, — сказал тот. — Но ничего не могу сделать за тебя. Я помогаю тебе в том, чего ты хочешь сам. Ты хочешь воздерживаться от пищи, я помогаю это сделать. Ты хочешь прервать это воздержание — я не мешаю. Выбор всегда за тобой. Скажи себе честно, так ли обязательно было напиваться с Медведковым?

Толя промолчал, хотя в голове вертелся вопрос: «А как иначе пережить, когда все не по-твоему?»

— Разве кто-то обещал, что в этом мире все будет по-твоему? — вопросом ответил Учитель на эту невысказанную мысль. — Учись прини-

мать мир таким, какой он есть. Если ты не будешь протестовать и возмущаться, все сложится наилучшим для тебя образом.

Сегодня Толя не готов был соглашаться с посланцем Вселенной, но разговор с ним успокоил измученную голову.

— Попробуй подождать и посмотреть, что будет, — посоветовал Учитель.

— А в Турцию или в Египет стоит поехать?

— Если хочешь, — улыбнулся Учитель и растаял.

Утром в воскресенье Игнатьев снова делал зарядку и учил язык. Во вторник к нему подошел Медведков:

— Радуйся! Через неделю можешь лететь в Египет!

Толя, не принявший всерьез обещаний товарища, сначала не поверил, но тот пояснил:

— Я договорился со Стасиком. Выборы отыграем, в следующий четверг можешь отправляться в Москву. В пятницу — самолет. Путевка горящая, деньги небольшие, отель — три звездочки, зато «олл инклюдив», все покроешь из зарплаты. Или ты раздумал?

— Нет-нет! — закричал Толя на весь кабинет.

Иваныч, Миша и Настя уставились на него. Медведков, заметив это, пояснил:

— Я спросил, не хочет ли Толя сменить работу. Ответ вы слышали. Вот так надо любить родную контору. Учитесь!

Дни, наполненные работой, текли быстро, несмотря на ожидание поездки. Вечерами Толя ходил по магазинам, покупал плавки, маску, шорты, футболку. Даже то, что было у него из летней одежды, требовало замены, поскольку стало слишком большим.

Утром в субботу позвонила Люба:

— Можно я к тебе приду?

— Конечно! — закричал обрадованный Игнатьев, но, положив трубку, задумался, чему, собственно, он радуется? Девушка много дней отказывалась от встречи, не отвечала на звонки... Но, в конце концов, она же сама захотела прийти.

...Положив голову на мягкий живот девушки, Игнатьев чувствовал, будто от ее тела идут к нему какие-то невидимые силы. «Может, это

ее любовь так передается?» — подумал он. Толя вдруг расхотелось уезжать, а, напротив, захотелось остаться с ней, оставить ее у себя навсегда. Но Люба, как обычно, заторопилась.

— Толенька, прости, — виновато сказала она. — Мне надо идти.

— Куда ты все время торопишься? — недовольно спросил он. — Будто дома тебя ревнивый муж ждет.

— Нет, не ревнивый муж, — ответила Люба.

Игнатъев хотел спросить, кто же, но постеснялся проявить любопытство. В последнее время он и так часто задавал вопросы, от которых лучше было воздержаться.

Люба ушла, и только потом Игнатъев вспомнил, что не сказал ей про Египет.

«Может, и к лучшему? — подумал он. — У нее есть от меня тайны, почему бы и мне не иметь свои секреты?»

В понедельник его разбудил звонок Медведкова.

— Толя, мы выиграли! Все наши кандидаты прошли! Стасик обещал всем нам премию!

— Все прошли? — переспросил Игнатъев. — Значит, ты теперь редактор?

— Да, уже решено, — подтвердил Медведков.

— Поздравляю, Саша! — Игнатъев искренне обрадовался за товарища. — А как люди Воронова?

— Тоже неплохо, — сказал Медведков. — Но это уже не очень важно, важно, что расклад теперь будет в нашу пользу!

Египет встретил Игнатъева жарким солнцем. Яркие краски, бившие в глаза, так поразили непривычного к ним северянина, что в первые дни он не обращал внимания на то, что отель был расположен в паре километров от моря, что чистый стол в ресторане найти удавалось не сразу, что на территории отеля было мало-мало зелени. Зато он пришел в восторг от самой возможности купаться в бассейне под открытым небом, от огромного балкона в номере, выходящего на бассейн, от самого сознания того, что вот он — Толя Игнатъев, никогда не выезжавший за рубеж, сейчас находится в стране, о которой читал в учебниках и романах

Болеслава Пруса, Мики Валтари, Кристиана Жака. На второй день он уже ехал в автобусе по душным дорогам к египетским пирамидам. И его нисколько не расстроили грязь и мусор в пирамидах, от чего другие туристы морщили носы. Толя не огорчился даже тому, что на третий день отравился арбузом и вынужден был постоянно находиться поблизости от номера. Зато после, затягивая веревочку на плавках, он убедился, что похудел еще больше.

Он дважды в день ходил на море, хотя в отеле поговаривали, что купаться там небезопасно из-за акул. В бассейне отеля же плескался постоянно, загорал в шезлонге, потягивая минералку и наблюдая за женщинами в бикини.

Поначалу ему не удавалось ни с кем близко сойтись, да и желания такого не было. Но на пятый день во время ужина за его столик присела компания — парень и две веселые разбитные девчонки, с которыми ему удалось подружиться.

Парень хоть и старался уделять внимание обеим, но видно было, что своей он считает одну, вторая же, с милыми ямочками на щеках, была чуть уязвлена тем, что осталась без кавалера. Девчонки из Мурманска приехали отдыхать вдвоем, в отеле познакомились с парнем.

Девушку с ямочками на щеках звали Наташа. Она сама предложила Толе:

— Мы сегодня пойдем в другой отель, там анимация покруче, чем здесь. Пойдешь с нами?

— Конечно! — с радостью согласился Толя.

После ужина они вчетвером переместились в бар, где новые знакомые Игнатъева, пользуясь системой «все включено», отдавали должное и вину, и бренди, правда, ругая вкус и того, и другого.

— А что вы хотите? — говорил им парень. — За качество надо платить. А то, что идет по «олл инклюзив», — всегда фигня.

Через пару часов вся компания отправилась в пятизвездный отель, стоявший неподалеку. Вечерами там для постояльцев отеля выступали артисты. Заплатив несколько долларов, они попали на территорию чужого отеля.

На сцене уже шло представление. Игнатъев удивился тому, что ничего египетского, ничего азиатского в этом представлении не было. Ев-

ропейские артисты, приехавшие на заработки в Египет, танцевали на сцене под песни группы «Абба». Зрители частью сидели на длинных скамьях, следя за происходящим, частью танцевали на танцплощадке, мало обращая внимания на сцену.

— Да, тут тоже анимация не блещет, — поморщилась Наташа.

— Может, потанцуем? — предложил Толя.

Им показалось смешным то, что посреди жаркой темной египетской ночи со сцены звучала бессмертная «Happy New Year». Толины руки соединились на Наташиной спине, девушка прижалась к Игнатьеву. Вдыхая запах ее волос, он почувствовал, как теряет разум, как поднимается в нем желание близости. Целоваться они начали прямо на танцплощадке во время танца...

Потом они гуляли по улицам, наполненным таким ароматом ночных растений, что воздух казался плотным, заглянули в кафе, где не рискнули взять ничего, кроме вина. Толя усиленно подливал девушке, сам едва пригубивая бокал.

Когда посреди ночи они вернулись в свой отель, Наташа сказала у дверей номера:

— Наверное, Ленка с Васей уже спят.

— Давай не будем их будить! — предложил Игнатьев. — Я в номере один, а кровать большая...

Утром шестого дня Наташа уезжала на экскурсию к пирамидам, где Толя уже побывал. Ночью они были близки, но это не очень порадовало Игнатьева. Думая об этой случайной встрече, Толя признавал, что оказался разочарован. Он искал другой близости, искал не только секса, а любви, но ее-то и не было.

Он попытался обнять и поцеловать девушку на прощание, изображая теплое чувство, но, похоже, Наташа тоже не была в восторге от произошедшего.

— Ладно-ладно, — проговорила она, выскальзывая из его объятий. — Созвонимся-спишемся.

Толя про себя усмехнулся, ведь ни телефо-

нами, ни адресами они не обменялись. Может быть, она имела в виду, что еще увидится с Игнатьевым, но он сам не желал этой встречи, испытывая какую-то неловкость. Возвращались туристы с этой экскурсии поздно, на ужин уже не успевали. Можно было увидиться за завтраком через день, но этого не случилось, а после Толя покинул отель. Его короткий отдых завершился.

Сидя в самолете, он раздумывал о своих отношениях с Наташей, Ксюшей, Любой. Итогом поездки в целом Игнатьев был доволен. Он убедился, что может быть интересен девушке, хотя она и не высказала желания продолжить знакомство. О Ксюше он думал с некоторым равнодушием, внутренне смирившись с тем, что она ему

отказала. «Может, это и не любовь? — думал он. — Наваждение, увлечение...» А думая о Любе, он испытывал неловкость, будто обманул ее доверие. Он говорил сам себе, что никакого обмана нет, что они не клялись друг другу в верности, что у нее самой есть какие-то тайны от него, но все эти уговоры почему-то не помогали.

Из Египта он привез сувениры для Любы, Ксюши и Медведкова — всем по фигурке жука-скарабея, считавшегося в Древнем Египте священным. Как уверяли торговцы сувенирами, эти амулеты охраняют от сил зла, от укусов ядовитых змей и даже помогают возродиться после смерти.

Приехав домой, Толя первым делом позвонил Любе, но та отбила звонок. Игнатъев воспринял это как справедливое возмездие за его египетское приключение.

Придя на работу, увидел Медведкова.

— А, египтянин! — обрадовался тот. — У меня для тебя новости! Ты говорил, что хочешь в Финляндию, язык учишь. Финское консульство пригласило журналиста нашей газеты в пятидневную поездку. Через два месяца надо ехать, сейчас уточняется программа. Я хотел Ксюху отправить, но у нее дела, поэтому я решил, что поедешь ты. Тем более, просили человека, который владеет финским или английским. Правда, придется отписаться после поездки, с тебя материалы, но я уверен, что ты справишься.

Толя был огорошен новостью. Ведь работает Вселенная, работает! Не зря он начал учить язык, тут же открываются возможности для его применения. Но он тут же обеспокоился:

— Слушай, но финский я только начал учить, а мой английский хромает, ты же помнишь по универу... С тех пор я и не практиковался.

Медведков отмахнулся:

— Там питерские журналисты едут и наши. Наверняка кто-то языками владеет, переведут, если что.

— Да, а почему Ксюша не сможет?

Медведков отвернулся, но, почувствовав, что молчание затягивается, сказал:

— Знаешь, старик, я тебя, наверное, огорчу... Ксюха замуж выходит. За одного друга нашего любимого Воронова...

— За Эдуарда? — догадался Игнатъев. — Ну, счастья им!

— О, а ты молодец! — обрадовался Медведков спокойной реакцией Толи. — А я уж думал, ты, как Отелло, побежишь ее душить...

Толя прислушался к собственным ощущениям и сам удивился, что испытывает лишь легкое сожаление. А кроме того, он испытывал и некоторое облегчение благодаря тому, что эта новость ставила точку в его метаниях.

Едва он успел включить компьютер, как раздался звонок мобильного. Взглянув на экран, Игнатъев увидел, что звонит Люба.

— Любушка! — завопил он в трубку. — Как я рад тебя слышать! У меня для тебя сувенирчик есть. Жук-скарабей, защищает от зла и возрождает к жизни! Увидимся?

Но Люба не отвечала. Через некоторое время Игнатъев услышал всхлипы.

— Любушка, ты плачешь? — испугался он. В голове пронеслись мысли о том, что она обиделась на его молчаливый отъезд или вдруг узнала каким-то волшебным образом о Наташе. — Люба, что случилось?

— Толя, у меня мама умерла, — ответила Люба и разрыдалась в голос.

— Говори адрес, я еду к тебе!

В квартире, где жила Люба, стоял сладковатый запах. Игнатъев шмыгнул носом, и заплаканная Люба с беспокойством взглянула на него:

— Ты чувствуешь, да? Мама долго болела, уже год не вставала с постели, а врачи только говорили: «Готовьтесь к худшему». Я каждый день мыла ее и памперсы меняла, проветривала постоянно, но все равно этот запах болезни не выветрить...

— Так это ты к ней все время торопилась? — спросил Игнатъев. — Что же ты молчала?

— Стеснялась, — сказала Люба. — Вдруг ты меня разлюбил бы? Кому нужна девушка с проблемами?

— Мне нужна, — Толя обнял прильнувшую к нему девушку.

Тело мамы уже отвезли в морг, где его готовили к похоронам. Толя вместе с Любой поехал в погребальное бюро, на кладбище, пла-

тил, где требовались деньги, а требовались они везде. Поминки заказали в столовой неподалеку, хотя Люба предполагала, что будет не много людей. Ее мама давно вышла на пенсию, и заболела тоже давно. Ее дружеские связи как-то постепенно растерялись, а в последний год почти никто уже не звонил, не интересовался ее здоровьем. Мама одна воспитывала Любу, приехав сюда из другого города, родных у них тоже не осталось.

Вечером к Любе пришла Ольга Федоровна, с которой вместе еще так недавно работал Игнатъев. Ольга Федоровна удивленно оглядела Игнатъева:

— Толя, тебя не узнать! Ты так постройнел, похорошел...

Она сунула Любе в руки конверт:

— Мы тут собрали кое-что, и Сема распорядился материальную помощь выделить...

Ольга Федоровна быстро ушла. Люба поставила чайник, но после чаепития сказала:

— Толя, не знаю, как одной остаться. Трудно здесь.

— Пойдем ко мне! — предложил Игнатъев. — Ты не бойся, я приставать не буду!

— Дурачок! — улыбнулась Люба.

Она заснула на его матрасе, положив голову на Толино плечо. А Игнатъев закрыл глаза и увидел посланца Вселенной. Тот внимательно смотрел на него, сидя на циновке за своим низким столиком.

— Учитель, а людские души не умирают? — спросил его Толя.

— Нет, — ответил тот.

— Учитель!

— Да?

— Спасибо тебе! — искренне сказал Толя.

Он благодарил посланца Вселенной за все: за то, что сумел

похудеть и научился знакомиться с девушками, за новую работу и поездки — прошлую и грядущую — за рубеж, за финский язык и ежедневную зарядку, и главное — за то, что есть на свете человек, который в трудную минуту нуждается в нем, Игнатъеве, который еще так недавно и себе-то нужен не был.

— А мне-то за что? — усмехнулся Учитель, и его узкие глазки превратились в щелочки. — Себе скажи спасибо, я ведь только озвучиваю то, что ты и сам знаешь.

Толя не стал спорить.

— Учитель, — сказал он. — Любе сейчас трудно. Помоги ей, хорошо?

– Ты ей и поможешь, – ответил Учитель. – Если хочешь этого. Ты этого хочешь?

– Да! – твердо ответил Толя.

...В день похорон на прощание с Любиной мамой пришли только Ольга Федоровна, Анечка и Саша Медведков, которого просил об этом Игнатьев. Могила оказалась на краю кладбища, неподалеку от огромных сосен, шелестящих своими лапами на ветру...

Прощаясь с мамой, Люба повернулась к Толе:

– Говоришь, твой скарабей помогает возродиться? Можно я положу его маме?

– Конечно! – ответил Толя.

Когда все завершилось, Люба и Толя возвращались в квартиру Игнатьева. Возле магазина, ежась от холодного ветра, сидел серый котенок. Он был такой жалкий, грязный, тощий, что Игнатьев не удержался и погладил его. Котенок, поначалу испуганно вжавшийся в асфальт, почувствовав ласку и тепло человеческой ладони, заголосил что было мочи, жалуясь на свою горькую жизнь.

– Я сейчас ему сметаны куплю! – сказала Люба и побежала в магазин.

Котенок жадно лизал сметану прямо из банки, а Люба с Толей смотрели на него.

– Давай возьмем! – предложил Толя.

– Давай! А как назовем? – спросила Люба.

– Фроська Младшая! А с Фроськой Старшей я тебя скоро познакомлю!

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, заведомом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время – редактор отдела публицистики журнала «Север».

Один из авторов книги «История строительства в Карелии» (2007 г.).

Автор книг стихов «Старый лешак» (2009 г.), «Меняется ветер» (2012 г.),

книги литературной критики «Жить в эпоху перемен» (2011 г.).

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

